

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

25 Února 1932.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

99

25-го февраля 1932 г.

25-го лютого 1932 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Борис Кундрюцков: Птица голубая. (Modrý pták).
2. И. М. Назаров: Родной стране. (Rodné vlasti).
3. Оксана Печениг: ** (Verše).
4. Олександр Півень: Козаки на Кубані. (Kubánští kozáci).
5. Союзная Конституция Казакии. (Spolková Ústava Kozákii).
6. Ш. Балинов: Чем стало Казачество. (Čím se stalo Kozáctvo).
7. А. Ленивов: К 14-летней годовщине Степного похода. (14 výročí Stepního tažení).
8. Книгочий: Основные черты и типы в творчестве Крюкова. (Základní rysy a typy tvorby Krjukova).
9. В. Л. Куртин: Тени минувшего. (Stíny minulosti).
10. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
11. Казацьи фельетоны. (Kozácké feuilletony).
12. Казацья эмиграция. (Kozácká emigrace).
13. Возможность поселения на землю во Франции. (Možnost usídlení se na půdu ve Francii).

Почтовый ящик.

Франция. — В. М. — Исправлено. Привет.
Берлин. — Г. К. — Хорошо. Привет.
Царьгород. — М. З. — Одержали. Чекаємо на закінчення. Вітаємо.
Белград. — Б. К. — Получено. Привет.
Нью-Йорк. — М. Г. — Получено. Привет.
Шалет. — Н. И. — Получено. Привет.
Австралия. — В. Т. — Получено. Будет помещено. Привет.

Брно. — В. К. — Пришлите и хотя краткую „легенду“ атласа, из которого взяты карты. Привет.
Югославия. — А. П. — Ответ будет письмом. Привет.
Франция. — Д. Ч. — Хорошо. Привет.
Париж. — ** — Хорошо. Привет.
Вильно. — С. Т. — Получено. Будет помещено в следующем номере. Остальное — письмом. Привет.
Польша. — Инж. К. — Одержали. Дякуємо.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. А. Гейман. Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак.
А. Чекин. Крагуевац.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12, Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
В. Л. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo. ul. Boguszevska 5, m. 1.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.
А. Кириянов. Августов.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.
Т. Л. Ляхов. София, ул. Царь Семеон, 28.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 17, rue Katherine Favre, Monplaisir-Plaine. Lyon.

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Jeffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savitzky. Papanduva, via Canoinhas, S-ta Catharina. Brasil.

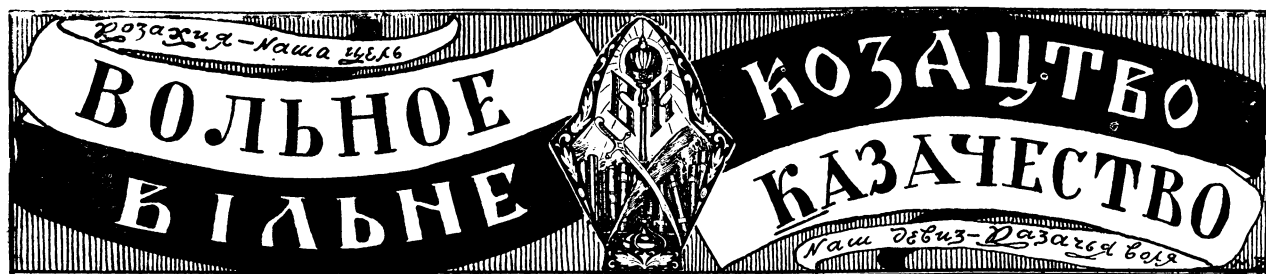
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин, Новое Ченхе, Прибойня 6.

К казачьей эмиграции.

„Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе, создав жертвенностью своих членов довольно солидную библиотеку, состоящую из трех отделов: научного, литературного и политического, обращается с горячей просьбой ко всем братьям казакам — жертвовать в библиотеку книги, журналы, брошюры и т. п., за что всем жертвователям заранее приносится горячая благодарность.

Все жертвуемое направлять по адресу: M-eur A. Lenivoff, rue Katherine Favre, 17, Monplaisir-Plaine, Lyon, France.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 99

Четверг, 25 февраля, 1932 — Четвер, 25 лютого, 1932.

№ 99

Борис Кундюков. (Белград).

ПТИЦА ГОЛУБАЯ.

Птица голубая чудных снов о Воле,
Птица дум веселых, бесшабашных сказов —
Пела — расковалось как кольцо неволи,
Как восстало племя полоненных Азов...

Как взметнулись в битвах новые знамена,
Сшитые из грубых старых полотнищ,
Как в станицах хмурых поднялись от звона
Единицы, сотни и десятки тыщ

Тех, кто истязанье холод, мор, гоненье
Перенес, замкнувшись много, много лет, —
Кто тушил, нахмурясь, гневное волнение
И поглубже прятал темный пистолет, —

Тот, кто ночью гулкой закалял отвагу,
Укреплялся стойко в бешеной злобе,
Кто, на камне твердом отточивши шпагу,
Подтянул подпруги на своем коне...

Тех орлов вся стая бурею ворвалась,
Тех орлов прорезал небо жуткий крик —
И в степях далеких эхо отозвалось
И свистели ветры средь колючих пик...

Принесли свободу голубым просторам...
Голубая птица к Богу понеслась, —
На границах древних — крепкие запоры,
А в степях — кручина песней завилась...

И. М. Назаров. (Княжевац).

РОДНОЙ СТРАНЕ.

Я не пойму, что так меня влечет
В без гор и без лесов пустынные равнины,
Где однотонны их природные картины --
Ромашки цвет... ковыль... и коршуна полет...
— Мой брат погиб... Как вешняя гроза
Он стал пред взводом супостата,
Последний вызов свой он бросил им в глаза
И пал... И нет другого брата...
Старуха мать... одна на целом свете
В пустом доме боролась с злой нуждой,
Потухший взор ей не закрыли дети
В последний путь... Никто не проводил родной...
Друзья?! — их нет, потухла их звезда.
Кресты в полях и кладбищах упали.
Все, кто любил меня, — не стали
И все, кто помнили, — забыли навсегда.
Мой дом с крыльцом на Дон, акации кругом,

Цветник пред новою верандой
Сперва разбит гранатой, а потом
Разрушен грабящею бандой...
Был сад вокруг, его сажал я сам;
Был пруд в саду, пред ним алеи маки, —
Теперь там плавают убитые собаки
Да каркают вороны по утрам...
Но все же, сердцем я лечу все вдаль, и вдаль,
К степям меня уносят крылья бури —
По ним моя бескрайная печаль.
В их бесконечности и в их немой лазури
Есть чей то зов... Зовет издалека, —
То чей то стон мой чуткий сон тревожит,
Неудержимая влечет меня рука,
Неукротимая тоска мне сердце гложет
И, если я умру в горах страны чужой
За тридевять земель от зорь родного края,
Любовь к тебе, страна моя родная.
Умрет последняя со мной...

27-го января, 1932.

Оксана Печеніг. (Болгарія).

* *

Скорботний сірий день...
У лісі похилився на пеня
Останній жовтий лист.
Різький вітровий свист
Сувої довгі горне
Так брудно-жовто-чорні.
У жалюгідну позу
Прибрав нічний мороз

Грабинні пишні грона —
Жура їх нижче клонить;
І чітко-чітко дзвонить
Чи дощ рясний, чи сльози...
Ой, йде, йде печаль;
Підвівсь забутий жаль,
Загорнений торішніми листами...
Ох, не моїми же руками
Ясну одіж знімай
Й на радість тугу одягай!..

Олександр Півень. (Югославія).

КОЗАКИ НА КУБАНИ.

I.

Колись давно
Отак було:
Вже сто сорок років
Оце пройшло,
Мов не було,
Од тих перших кроків,
Як з тієї
Слободзеї
Кубань заселяли,
Річки — кути,
Землі — степи
Кругом занімали.
Із куренів
Всіх козаків
Селили в станиці,
Ішли до їх
З України
Дівки й молодіці.
Всі бурлаки,
Гольтіпаки,
Всі ті чуприндири
Дружилися,
Селилися,
Стали жити в мирі.
Розплодили
Овець, коней,
Всякої худоби
І помалу
Усі стали
Добрі хлібороби.
Кордонами,
Бекетами
Свій край оснували,
Близ Кубані,
В центрі-стані,
Кіш там збудували;
Та й назвали
Ту централу
Катеринодаром,
Хоч то й брехня,
Бо їм земля
Досталась не даром:
Скільки сили
Всі служили
Вражій Катерині,
А згадають,

То скрізь лають
Царицю й до-нині,
Що забрала,
Сплюндрувала
Рідну Батьківщину
І звеліла
Запорожцям
Кинуть Україну.
Та й тут здавна
Були справні:
З наказу цариці
Тяжко дбали,
Охранияли
Великі гряниці;
Із нуждою,
Із бідною,
При лихій годині,
Усе далі
Занімали
Гори і долини...
Колись давно
В горах жило
Черкеса багато,
Тепер місто
Верст на двісті
Козаком занято.
Сперва козак
Був з ним кунак,
Жив як із сусідом,
І братався
Й поділявся
Всяким добром — хлібом;
А чим далі,
Жити стало
Із черкесом гірше:
Коли сварка,
Коли бійка,
Що-року все більше;
Далі війна
Стала справжня,
На велике горе,
Обхопила
Край наш милий,
Як широке море!
І довго так
Черкес, козак

Не мали покою:
Лилася кров
Вночі і дньом,
Літом і зимою.
Про те усяк
Старий козак,
Та й черкес розкаже,
Як воював,
Де лихо мав,
Ще й місто покаже.
Така була
Страшна і зла
Давня година...
Пройшли лиха,
Стала тиха
Рідная країна.
І став козак
Знов, як кунак,
Із черкесом жити
І робити
Й багатіти,
Хліб та сіль ділити...
Таке було,
Та й загуло
Оте давнє лихо,
П'ять десятків
Пройшло років,
Як жилося тихо.
Пішло життя
Все до — пуття
Кубанцям на славу:
Батькам — на жисть,
Синам — в користь,
Онукам — в забаву;
Хліба росли,
Садки цвіли,
А в лісах опеньки, —
Через дідів
Всі онуки
Бували й п'яненькі.
Всякий козак
Черкес-кунак
Жили-поживали,
Хліб робили,
Світ кормили
Та ще й гроші мали.

Проект.

Основные законы Казачьего Союзного Государства:

Союзная Конституция Казаккии.

*(Основная часть программы В. К.)**(Окончание).*

ГЛАВА XIII.

Государственно-правовое положение церкви и религиозных обществ в Казаккии.

341. Все население Казаккии и пребывающие на ее территории иностранцы могут беспрепятственно исповедывать свои религиозные убеждения и совершать свои религиозные обряды. Они отвечают за свои, сопряженные с такими обрядами действия по законам в случае нарушения обязательных для всех обывателей: общественного порядка, общественной и государственной безопасности, законов и признанных требований общественной нравственности и пристойности.

342. Гражданам в Казаккии не возбраняется повсеместно объединяться в религиозные общества и церковные общины и составлять собрания для религиозной цели, согласно общим союзным и областным законам об обществах и собраниях.

343. Зарегистрированные религиозные общества и церковные общины имеют право владеть недвижимыми имуществами для обслуживания своих религиозных потребностей, содержать просветительные учреждения для своих религиозных и образовательных целей и содержать благотворительные заведения и лечебницы.

344. Отдельные религиозные общества и церковные общины имеют право объединяться в религиозные союзы. Составление таких союзов подлежит общим законам об обществах.

345. Для православной церкви во всей стране учреждается автокефальное Епархиальное Управление со своим автономным статутом, который составляет и изменяет Собор автокефальной православной церкви Казаккии.

346. Статут Епархиального Управления православной церкви подлежит регистрации Высшего Союзного Суда. В Союзный Суд вправе запросить по поводу представленного статута заключение Союзного Атамана-Президента.

Союзный Ат.-Президент может и по своей инициативе сообщить В. С. Суду свои возражения по поводу Статута, а В. С. Суд, в случае отклонения таких возражений, обязан мотивировать свое решение.

347. Собор автокефальной православной церкви Казаккии составляют уполномоченные делегаты от православных церковных приходов, избираемые в том порядке, который определяют те депутаты в Союзный Круг, которые суть православного вероисповедания.

348. Возглавление автокефальной православной церкви Казаккии зависит от постановления Собора.

349. На таких же началах могут, при желании, составляться также отдельные областные епархиальные Соборы и областные епархиальные управления, с подчинением общему на всю Казаккию Епархиальному Управлению. Соответственный статут областных епархиальных управлений, одобренный общим епархиальным Собором, подается на регистрацию в Высший Союзный Суд. Суд регистрирует поданный статут, если он не заключает в себе противных законам Союза и данных Областей постановлений.

Регистрированный статут публикуется в установленном порядке.

350. Подлежащий Войсковой Атаман может представить В. С. Суду свои возражения по поводу представленного Суду статута.

Если Суд отклонит возможные возражения, представленные Войсковым Атаманом, он мотивирует этот отказ.

351. В. С. Суд также обязан мотивировать свой отказ в регистрации представленного статута, если таковой (отказ) будет.

После отказа в регистрации статута, новый статут может быть подан на регистрацию во всякое время и в том же порядке.

352. Жалобы на действия Епархиального Управления Казакии, по делам о пределах его статута, подаются Собору. Апелляции на его решения подаются в Высший Союзный Суд.

353. Жалобы на действия областного епархиального управления подаются в Областной Собор. Апелляция — на окончательное разрешение в общее Епархиальное Управление Казакии. На решение Епархиального Управления Казакии допускается только кассационная жалоба в Высший Союзный Суд.

354. Порядок означенных в ст. ст. 352 и 353 апелляций и кассационных жалоб Собор сам вправе изменить соответственным изменением своего статута. Такие решения Собор принимает большинством трех четвертей голосов всех членов Собора в данной его сессии.

355. В местностях с компактным многочисленным населением, исповедующим религию ислама или религию буддизма, организация управления делами религии этих вероисповеданий продолжается на изстари существующем основании.

Примечание: Существующие ныне порядки должны быть кодификованы статутами, которые подлежат регистрации на общих основаниях.

356. Римско-католической церкви и евангелической церкви предоставляется или по Областям, или во всей Казакии организовать свои епархиальные управления со своими автономными статутами, регистрируемыми на общих основаниях.

357. Законы охраняют своими предписаниями и мероприятиями спокойное в законных условиях исполнение религиозных обрядов всех вероисповеданий.

358. Законы воспрещают всякие оскорбления против достоинства и чести которого либо из вероисповеданий, без всякого различия между вероисповеданиями.

359. Лица старше 18 лет имеют право свободно выступить из одного религиозного общества и вступить в другое, или отказаться от какого либо вероисповедания.

ГЛАВА XIV.

360. Законы: 1. о Союзно-государственных: гербе и печати Казакии, 2. о Союзно-государственном гимне, 3. о Союзно-государственном флаге и 4. об официальных языках в учреждениях Союза будут составлены Союзным Кругом первого созыва и поданы на утверждение Верховного Союзного Круга.

Законы эти составят нераздельную часть Союзной Конституции Казакии.

Приложения к Союзной Конституции Казакии.

Приложение первое :

Дополнение ко второму отделу IV главы Союзной Конституции: о правах национальных меньшинств.

Приложение второе :

Дополнение к отделам первому и второму главы VI: о приведении к присяге депутатов Верховного С. Круга и Союзного Круга.

Приложение третье :

Дополнение к третьему отделу главы VI: о присяге на должность Союзного Атамана-Президента.

Приложение четвертое :

Дополнение к отделам первому и второму главы VI: о порядке открытия сессий Верховного С. Круга и первой сессии новой легислатуры (нового четырехлетия) Союзного Круга.

Приложение пятое :

Дополнение к отделам первому и второму главы VI: о правах В. С. К. и С. К. и их Председателей по отношению к возможным нарушителям порядка и пристойности в заседаниях В. С. К. и С. К.

Приложение шестое :

Дополнение к отделам четвертому и пятому главы VI: о правах и обязанностях лиц, состоящих на Союзно-государственной службе.

Приложение седьмое :

Дополнение к отделам четвертому и пятому главы VI: о приведении к присяге на верность службы служащих Союзно-государственных управлений и учреждений.

Приложение восьмое :

Дополнение к главе XIII Союзной Конституции: правила об участии духовенства в регистрации: о новорожденных, о бракосочетаниях и бракоразводах, и об умерших, —

— будут опубликованы дополнительно.

ОТ РЕДАКЦИИ: Заканчивая в настоящем номере печатание проекта Конституции Казакии, можем повторить еще раз то, что говорили уже, начиная его печатание: целью нашей, при этом, является дать возможность всем вольным казакам более конкретно высказаться на тему о том, какой же именно Казакии они хотят. Пусть все те, кто найдут недостатки предлагаемого проекта, укажут на них; пусть те, кто может предложить проект лучший, предложат его. Повторяем: честной критики противников не боимся; здоровую критику вольных казаков — используем; зубоскалам отвечать не будем, а сами сделаем все для того, чтобы в результате возможной дискуссии, исправить и усовершенствовать в наибольшей мере предложенный проект. Не будем скрывать, что конечным нашим желанием в данном случае является желание не только формулировать основную часть вольно-казачьей программы в форме проекта основных законов будущей Казакии, но и сделать так, чтобы первый Верховный Союзный Круг освобожденного Казачества имел готовым наиболее совершенный проект Конституции Союзного Казачьего Государства.

Еще раз: всякое искреннее желание придти на помощь в общей работе будет принято во внимание; всякое предложение, направленное к исправлению или улучшению предлагаемого проекта, будет рассмотрено и надлежаще использовано. С этими словами мы и отдаем его на суд вольных казаков.

Шамба Балинов.

Чем стало Казачество.

(Окончание).

Положение Казачества было настолько подавленное, права его настолько урезаны, сами казаки настолько терроризированы, что, можно сказать, только и думали: „не до жиру, быть бы живу“. Но тем не менее царское правительство так подозрительно относилось к казакам, всюду, в каждом шаге и слове казака подозревая „сепаратизм“, „автономизм“, что даже такой благонамереннейший человек, как атаман ген. Иловайский, показался подозрительным по „сепаратизму“ и он царским указом (7 июля 1827 года) был уволен, а на его место назначен первый „наказный атаман“, ген. Кутейников.

Единственным „преступлением“ уволенного Иловайского, преданного суду и судом осужденного, явилась его чисто деловая критика проекта „Положения“, выработанного Комитетом Чернышевского. По мнению Иловайского, меры намеченные в „Положении“, оказались — „одни недостаточными, другие несколько несообразными с порядком вещей или противоречащими пользам края нашего; иные же вовсе невозможными в исполнении“. Поэтому он полагал, что прежде чем „приступить к сочинению закона“ для Края, нужно поставить вопрос — „что именно в существующем порядке вещей нужно дополнить, изменить, или вовсе уничтожить, сообразно духу и правам народа“, нужно поставить и разобрать вопрос „об обычаях, имевших на Дону силу закона“...

Для русского правительства достаточно было этих слов, чтобы отстранить автора их от атаманства и предать суду! Вместе с ним пострадал и В. Д. Сухоруков, по характеристике пр. Сватикова, „один из высокообразованнейших и талантливых Донцов своего времени“, вдохновивший Иловайского составить свою „Записку“, а м. б., даже написавший ему ее. Сухорукова, предварительно отобрав у него все рукописи его научных трудов по истории казачества, затем гоняли в течение более 10 лет (1827-1839) по разным стоящим на крайнем строевом частям, не давая ему возможности оставаться долго на одном месте. И только, когда здоровье его окончательно расстроилось, выпустили его в отставку и он умер в 1846 году.

Но и новый „наказный атаман“ ген. Д. Е. Кутейников, по определению Сватикова, „реакционный и подлобострастный исполнитель велений Чернышевского“, в конце-концов тоже не угодил начальству и по „со-

вету“ того же Чернышевского, вынужден был просить отставку и получил ее 10 фев. 1836 года. Не угодил он „хозяевам“, очевидно, потому, что не сумел искоренить на Дону „оппозиционное настроение“, выразившееся в том, что когда 1 января 1836 года состоялось „торжественное“ провозглашение „Положения“, вырабатывавшегося в течение 17-ти лет „Комитетом Чернышевского“, созданным в 1819 г. по инициативе ат. Денисова, — казаки не выявили „восторга своего и пламенной признательности к благотворному отцу отечества“, а из присутствовавших на „Войсковом Кругу“, „после произнесения от сенаторов речи, не нашли или справедливее не хотели сказать ни одного слова“. Это, конечно, для „отца отечества“ было скандалом.

В сущности, этим — моментом вхождения в силу „Положения“ 1835 года — должно и закончиться мое сообщение, ибо этот момент ясно и точно отвечает на поставленный нами вопрос „Чем стало Казачество“. Этот ответ, по авторитетному утверждению пр. Сватикова, заключается в следующем:

„Благодаря „Положению“ 1835 года, казак, формально — вольный, стал военно-крепостным российского государства, слугою самодержавной власти, охранителем старого государственного и общественного строя на Руси. Вся жизнь казака, как на службе, так и дома, опутана была отныне параграфами николаевского закона и предписаниями военно-административного начальства. Положение 1835 года оформило начавшееся в 1721 году закрепощение вольного казачества государству и, особенно, царю“...

Таким образом, некогда вольный казак, поборник свободы и равноправия, гражданин независимой Донской Республики, к этому времени, в силу долгого и жестокого насилия (духовного и физического!), в борьбе за казачьи идеалы против потоки казачьей крови, вынужден был утратить все свои гражданские права и остаться лишь с единственным правом — „привилегией“ — беспрекословно и безоговорочно, поголовно и до конца жизни своей служить „матушке-России“ на свои средства! Я говорю „до конца жизни“, ибо казак и по окончании службы, вернувшись на Дон, не имел права покидать его пределы и работать вне Дона без разрешения „строевого начальства“. В этом отношении дело доходило так далеко, что даже казачке при-

казано было не иметь сердечных влечений, ибо она лишена была права выходить замуж за постороннего!

Собственно на этом можно было бы закончить. Но я хочу привести еще несколько выдержек из трудов некоторых авторов (имейте в виду — я умышленно не пользуюсь цитатами из статей вольных казаков, чтобы наши противники из казаков не разводили дурного вкуса демагогию!), чтобы хоть кратко ответить на естественный вопрос: что же было у казаков к последнему моменту?

У них было:

1. В отношении политическом: „вплоть до революции 1917 года Казачество продолжало быть полукрепостным служилым сословием. Это видно из тех условий, которыми было обставлено передвижение казака с места на место, даже во время состояния на льготе (что соответствовало в запасе армии)“ (Св.).

2. В отношении даже местного самоуправления: в сущности, этого самоуправления вовсе уже не было, а была только одна видимость, фикция. Для усиления этого, достаточно сказать, что станичные общества не имели права производить никаких расходов без утверждения окружных атаманов. Другое — станичное общество (сбор) в сущности не имел права выбирать себе атамана, а выбирало только трех кандидатов, из которых один утверждался, вернее назначался наказным атаманом. А по закону 1891 года окружной атаман имел право „удалять от должности всех лиц общественного управления, не исключая, в особо уважительных случаях, и станичного атамана“. А войсковой атаман имел право „назначать станичного или хуторского атамана в станицы (или хутора), где „особенно беспорядочно ведутся дела общественного управления“, а также временно приостанавливать действия станичных или хуторских сборов, „с тем, что все права и обязанности таковых сборов переходят на станичного или хуторского (назначенного) атамана“ (Сватиков).

Как видите, никакого местного самоуправления не было, кроме фальсификации. Проф. Сватиков по поводу казачьего местного самоуправления справедливо напишет следующее: „нужно огдать справедливости авторам закона 1891 года. Они попытались связать некогда вольное казачество по рукам и ногам. Мало было для казачества тяжелой военной службы. Показалось необходимым уничтожить остатки станичного самоуправления, ввести худшую форму круговой поруки, подчинить казака и в станичном быту действию военной дисциплины. Служилое казачество стало военнокрепостным...“ А член Гос. Думы Петровский в своей думской речи скажет, что правительство обманывает Казачество „видимостью прав, развращая его фальсификацией привилегий, пользуясь железными тисками воинской дисциплины, пугило казачество против освободительного движения“...

3. В отношении несения службы: „к началу XX ст. воинская повинность казачества была в $3\frac{1}{2}$ раза тяжелее воинской повинности населения империи и неказачьего населения Области: вместо 21,1% призывного возраста из казаков привлекалось на службу 74,5%. Если же сосчитать и материальные жертвы казачества, то повинность его была тяжелее в 153 раза“.

А Донской депутат А. А. Назаров в своей думской речи сказал, что „по подсчетам, сделанным в апреле 1912 года, донской казак в течение своей службы терял из собственных средств 1.303 руб. 50 коп.“...

Тысяча триста три рубля! Легко сейчас нам эту цифру произнести, но каково то было казаку все это выкладывать на стол! Ведь это, при тогдашней цене пары быков в 150 руб., целое хозяйство! Такую жертву материальную приносили казаки „матушке-России“ одной своей службой! Где и в каком государстве вы увидите такое явление!

О тех огромных, буквально казачье хозяйство истощавших, личных материальных затратах казаков, в связи с несением службы, а также затратах станичных обществ, прекрасную статью, построенную исключительно на цифровых данных и прекрасном знании вопроса, написал старый донской вахмистр Афонин („В. К.“, № 84-5), бывший 12 лет атаманом одной из самых больших донских станиц и три года смотрителем ста-

ничного плодового табуна, на счет которого донской писатель-поэт Крюков когда-то с душевной горечью выразился: „войсковая администрация у казаков начинается наказным атаманом и кончается станичным жеребцом“!

Совершенно понятно, что эта материальная тяжесть, связанная со службой, казаков буквально разоряла, многие из них в конце концов не в состоянии были „справлять на службу“ последующих сыновей. В предостережении такого ущерба государству, русское правительство законом 1891 года ввело обязательную круговую поруку станичного общества „за исправный выход на службу каждого из своих членов, за исправное отбывание земских и станичных повинностей и пополнения недоимок, числящихся на обществе“. При этом предоставило станичному обществу „право принимать ряд принудительных мер по отношению к отдельным членам общества, замеченным в расточительности (!) и неисправным в отбывании повинностей и уплате долгов в войсковые и общественные суммы“.

Какие же были эти меры? Были они следующие: „распоряжение доходом с принадлежащего казаку имущества; отдача казаков в посторонние заработки и распоряжение работанными ими суммами; назначение к неисправным казакам опекунов; в случае нужды, продажа движимого и недвижимого имущества неисправных казаков и ограничение для них (на известный срок) права распоряжения их паями с передачей этого распоряжения в руки станицы“ (Св.).

„Таким образом, — пишет проф. Сватиков, — введение по закону круговой поруки... знаменовало собою закрепощение казачества государству и общине в самой худшей форме его. Такова была благодарность метрополии за верную многовековую боевую службу казачества“!

Так обстояло дело в отношении несения военной службы.

4. В отношении денежно-финансовом: по выражению В. А. Харламова (речь его в Гос. Думе), Дон представлял из себя „в денежном отношении государство в государстве“, т. е. своего рода „самостоятельность“, „независимость“, но самостоятельность такого свойства, какую кажется имел в виду татарин, когда он говорил в адрес большевиков: „корова наша — молоко ваше; курица наша — яйцо ваше“... Казаки на свои средства содержали почти все учреждения общегосударственного характера на Дону. По этому поводу Харламов в своей думской речи говорил: „на эти казачьи капиталы, казаки содержат себя, суды и тюрьмы, куда их сажают; все учреждения гражданского управления; уплачивают жалованье льготным офицерам; уплачивают на содержание военно-учебных заведений; уплачивают и пенсии офицерам и чиновникам из этого капитала; донские казаки уплачивают и дополнительное жалованье в 18 000 руб. своему атаману и т. д. Я спрошу, — восклицает Харламов, — где, в какой стране есть такое положение, чтобы маленькая часть населения, одна губерния, содержала себя целиком?“

Это существовавшее тогда положение как раз является хорошим ответом на те современные противосамостоятельные аргументы, сводящиеся к тому, что при независимости Казачество, мол, не выдержит всех материальных тягот по содержанию государственного аппарата. В том то и беда, что Казачество на свои средства уже содержало очень долгое время чужих начальников над собой, тратя казачьи миллионы!

В другой своей думской речи В. А. Харламов говорил, что Казачество несет все траты, которые „во всей остальной империи всецело и целиком ложатся на средства общегосударственные. Войсковой капитал содержит и Войсковой штаб, и артиллерию с жалованьем и довольствием, казаков с покупкою и содержанием лошадей и т. п.; он содержит арсеналы, склады оружия, оружейные мастерские, местные войска, местные команды; льготные строевые части и учебные сборы; военно-учебные заведения, юнкерские училища, фельдшерские и военно-ремесленные школы и т. п. Далее войсковой капитал несет на себе и все управления областью — гражданское и полицейское“...

Как видите, полная финансовая „независимость“ Дона, против чего не возражали русские „патриоты“, ибо эта „независимость“ шла на поддержание той силы, которая давила казаков, жала в тиски бездушного русского централизма, загоняла казачью свободу в „манеж...“

5. В отношении культурного развития: „в результате правительственной политики в области просвещения, в 1901 году на Дону было только 36,8% грамотных среди казачьего населения“, — пишет проф. Святиков. А Харламов в своей думской речи объясняет, почему так случилось и скажет, что в правительственной казачьей политике над всеми вопросами культурного и экономического развития казачества довлела „военная дисциплина, которая ставится военною властью превыше всяких соображений и всяких интересов жизни, главенствует и направляет всю жизнь казачества с детства и до могилы“...

6. В отношении землепользования. В этом вопросе я хочу ограничиться выдержками из статьи Г. И. Карева. „Из общего количества земли (Донского Казачества) в 15 мил. дес., в пользовании станиц находилось 9.479 т. д., в распоряжение Войска (войсковая земля) — 2.142 т. д. и крестьянам — 1.122 т. д.“

Земля донских помещиков образовалась двумя способами (о которых я отчасти выше уже говорил):

а) путем захвата казачьей войсковой старшиной войсковой земли, а позже — и путем „жалования“ русскими царями донских старшин, отличившихся по подавлению казачьей независимости. Например, Екаторина II „пожаловала за что-то полковнику Серебрякову из казачьей войсковой земли так называемый „Кобылянский юрт“, находившийся в Усть-Медведицком округе, где ныне поселена слобода Михайловка, — площадью (сколько вы думаете?)... в 250 тысяч десятин. Войсковое правительство... протестовало против такого бесцеремонного отношения к казачьей собственности. В наказание за такую „дерзновенную“ защиту казачьих интересов, члены Войскового правительства были оштрафованы на 10.000 рублей серебром. Таким порядком отнято было у Войска Донского 1650 т. д. земли“.

б) В 19 в. русское правительство начало наделять за государственную службу донских офицеров и чиновников, выходящих в отставку, вместо денежной пенсии, участками земли, вырезанными из казачьего земельного фонда. До 1870 года эти участки являлись пожизненными, как и сама пенсия, которую они заменяли, или как казачьи земельные пай. В 1870 г. Александр II, в воздаяние „за верную 300-летнюю службу Донских казаков России“, пожаловал этим пенсионерам их пожизненные участки в вечное и потомственное владение. Этим путем было отнято у Войска Донского, под предлогом благодарности ему, еще 1791 т. д.“

Удивительный способ жаловать казаков, поистине своеобразная любовь к ним: за их же службу отнимать у них же, кровью добытую землю и дарить отдельным лицам в потомственное владение!

Кроме того, „войсковая земля, площадью в 2.142 т. д., сдавалась в аренду: около одного миллиона десятин было отведено под частное коннозаводство, а остальная часть сдавалась под распаху, главным образом, пришлому не-казачьему населению. Вырученные за аренду войсковых земель деньги расходовались на нужды, которые в остальной России удовлетворялись за счет государственного казначейства; фактически и эти земли временно были отобраны у Донских казаков“.

А для выяснения того, с какой бесцеремонностью разбазаривалось казачье добро, следует обратить свое внимание на то, что в то время, когда Войско крайне нуждалось в земле, когда казаки некоторых станиц задыхались от малоземелья, в Задонской степи около миллиона десятин прекрасной земли было отдано почти даром донским частным коннозаводчикам, которые в течение первого 25-тилетнего арендного срока (1877-1901) платили годовую арендную плату в ... три копейки за десятину. В это время, рядом, по ту сторону Егорлыка, в Ставропольской губернии, десятина земли сдавалась в аренду — под распаху по 6 руб., а под выпас по 3 рубля в год!

„Итак, за последние два века совместной жизни Дона с Россией русское правительство и опиравшаяся на него войсковая старшина изъяли из пользования Донского казачества около 5,7 миллионов десятин, более одной трети всей территории Войска Донского. По своей же ценности, эта земля значительно превышала землю, оставшуюся в распоряжении казаков. Достаточно сказать, что земли Таганрогского или Ростовского округа в 6 раз выше по своему качеству земель 2-го Донского округа. Стоимость отчужденной от казаков земли составляла перед войной капитал в 1.140 мил. руб. золотом, проценты с которого приносили бы 57 мил. руб., а арендная плата — 75 мил. руб. В этот расчет не входит один миллион десятин, отнятый у Войска Донского Петром I“ (Карев).

Если принять все это во внимание, то станет совершенно понятной думская речь Кубанского депутата Бардижа, который говорил, что никто не знает и не хочет знать „какую громадную повинность несет казачество и натурой, и деньгами; какую бы колоссальную сумму пришлось государственному казначейству принять на себя, если бы было уничтожено казачество“...

И недаром другой депутат, забайкальский казак Войлошиков метко охарактеризовал казачью политику русского правительства. Он в своей думской речи сказал, что „называется она (русская казачья политика) не оказачиванием, а окалпачиванием“.

Безвыходное положение казачества подчеркнул в своей думской речи даже депутат от донских крестьян, Афанасьев, который в своей речи сказал: „да неужели же, господа, вы не понимаете, что его, казака-то, нет в настоящее время (в станицах), а есть только казачки и казачата?!.. Господа, вы кидаете этим (отношением к казачьим вопросам) казакам целыми комками грязи в глаза... Рубите тому орлу крылья, под которым хранится ваше состояние“...

Таково было положение и состояние Казачества к последнему моменту, по свидетельствам людей, далеких от самостоятельности.

Следует еще привести краткие выдержки из думской речи донского писателя — поэта, Ф. Д. Крюкова, который в Думе говорил: „казак дорожит своим званием, ибо в прошлом у него была полная, свободная жизнь широкой удали, та совокупность прав личности, которых теперь добивается русский народ“... А затем Крюков рисует, чем стал этот вольный казак под материнской опекой „матушки-России“: „даже в домашней жизни, в мирной обстановке, казак не должен забывать, что он прежде всего нижний чин... и всякий начальник может распечь его за цивильный костюм, за обувь, за шаровары без лампас... Что такое земский начальник в сравнении с нашим военным администратором, для которого закон не писан ни в буквальном, ни в переносном смысле слова... Никакая казарма, никакая солдатская муштра не может идти в сравнение с этим своеобразным воспитательным режимом, сковавшим все существование казака... Всякое пребывание вне станицы, вне атмосферы началственной опеки, всякая частная служба, посторонние заработки для него закрыты, потому что он имеет право лишь кратковременной отлучки из станицы... Ему закрыт даже доступ к образованию, ибо невежество было признано лучшим средством сохранить воинский казачий дух“...

Такое, политикой правительства созданное положение Казачества возмущало всех, а потому Забайкальский депутат. Войлошиков, в своей думской речи восклицал: „пора давно изменить тот взгляд, что казак — неуч, казак — дикарь есть лучший воин, чем воин культурный“...

Но мы, в утешение себе, можем сказать одно: в сердце этого обнищавшего, насильно от образования и просвещения отстраняемого бесправием казака, как в священном сосуде, благоговейно бережно, как святынях, хранилась его безграничная любовь к святому „древнему казачьему обыкновению“, не умирая, жило в нем его вековое желание „возратиться под свои боевые знамена, чтобы всегда быть готовым для нужд родины“ — Седого Дона!

Об этой казачьей любви к „заветам старины“, о постоянном казачьем политическом стремлении к своей государственной независимости хорошо знали все правители Российской империи. Это знание казачьего политического стремления хорошо выразилось в словах выдающегося русского министра, Лорис-Меликова, сказанные им по вопросу об „опасности разложения России на составные части“ (1884). — „Связь частей России, — говорил Лорис-Меликов, еще очень слаба. И Поволжье и Войско Донское очень мало тянут к Москве“.

Таково было положение Казачества в недалеком прошлом.

Казачья воля была подавлена, казачья слава померкла, казачье героическое и славное прошлое начинало забываться. Но, казаки обязаны добыть ту свою Волю, которая, согласно прекрасной казачьей легенде, зарыта под курганом на Дону, скрыта от завистливых глаз врагов и охраняется матерым старым казаком, бдительным Стражем Свободы Казачьей; обязаны казаки свою древнюю славу еще больше возвеличить, свое славное прошлое, с учетом новейших достижений человеческого разума, восстановить!

Пусть сейчас не все казаки загораются Идеей Вольного Казачества, пусть некоторые еще идут против Нее, а некоторые еще продолжают стоять на распутьи двух дорог — Московской и Казачьей — и не знают по какой из них пойти! Пусть! Вольные казаки считают это временным затмением казачьего сознания, глубоким казачьим заблуждением. Они верят, что это тяжелое

наследие двухсотлетнего московского внушения, духовного намордника, скоро пройдет. Верят, что они, если не сегодня, так „завтра“ придут к матери Казакии и устами казачьего поэта Сергея Маргушина, говорят, что —

Пристанут потом к нам все — те,
Кто здесь малодушно молчит,
Кто там краснокровной Москве
Из страха иль рабства пытался служить;
Кто в брата все камнем бросает
И низко клеветает, предательски лжет,
Казакию-мать распинает
И цепи на Вольность Казачью кует...
В едином союзе степных всех народов —
Мы Станом Казачьим одним
Казакии нашей там счастье заложим
И флаг свой Союзный в степях воодрузим.

Смелость — города берет. Вера — горы передвигает. Молодость силу имеет. А вся сознательная казачья молодежь уже примкнула к вольноказачьему освободительному движению, восторженно верит в его торжество и устами молодого казачьего поэта, Бориса Кундюковца, единым хором поет:

Победу мы вырвем у нашей судьбы —
Рабами лишь могут быть только рабы...
Не плачьте вы, жены, деды-старики,
Не дрогнут кривые стальные клинки —
Под сенью старинных тяжелых знамен
Отчизны кровавый рассеется сон...

А. Ленивов.

К 14-летней годовщине Степного похода.

Организация вооруженных сил Отряда Вольных Донских казаков и большевиков в Степном походе (12/II-5/V 1918 г.).

„Степной Поход был героическим актом группы Донских патриотов, благодаря которому Дон не сдался целиком большевикам ни на один момент, но был с ними без перерыва в состоянии войны. Степной Отряд это часть Дона“. (Очерк политической истории В. В. Донского. Стр. 70).

К 9-ому февраля 1918 года*) линия фронта в Новочеркасском районе слагалась следующим образом: по железнодорожной магистрали гор. Новочеркасск — ст. Зверево — ст. Лихая, большевики занимали: ст. Шахтная — гор. Александровск-Грушевский, причем вооруженные силы последних состояли из следующих формирований (войсковых соединений): 1) 1-ый полк Московской красной гвардии, 2) 3-ий полк Московской красной гвардии, 3) сводный отряд Коломенского района Петроградской красной гвардии, 4) отряд Выборгского района Петроградской красной гвардии, 5) отряд Черноморских матросов (Мокроусов), 6) партизанский отряд Пашенки, 7) конный отряд Свиридова, 8) Дивизион (1, 2, 3 батареи) Харьковской пролетарской артиллерии, 9) 1-ая и 2-ая революционные батареи, 10) железнодорожная батарея морских орудий „Кане“, 11) тяжелый бронепоезд „Черномор“, 12) легкая бронепоездная площадка. Боевой состав всей большевизской группы выражался цифрой в 4^{1/2} тысячи штыков, 150-180 сабель при 19 орудиях и нескольких десятках пулеметов; командующим группой являлся прапорщик Юрий Саблин, сын известного московского книготорговца.

На крайнем правом секторе (правее железнодорожной магистрали гор. Новочеркасск — ст. Зверево — ст. Лихая) наступал на гор. Новочеркасск, двигаясь по грунтовым дорогам от слободы Ровеньки через слободу Криничную — хутор Дарьевской, отряд красной гвардии местного формирования под командой рабочего Клевцова (до 1000 штыков). Ближе к железнодорожной магистрали, т.-е. между последней и отрядом Клевцова,

наступала колонна каторжника Медведева (1-ый Костромской военно-революционный отряд, 2-ой полк Московской красной гвардии), численностью в 1200 штыков при 60 пулеметах.

Левее железнодорожной магистрали гор. Новочеркасск — ст. Зверево — ст. Лихая, на г. Новочеркасск наступали части 1-ой советской южной армии (1000-1200 штыков) под командой Петрова (подполковник). На крайнем левом секторе, степными дорогами через хут. Ягодин — Мокрый Лог — Керчик, ст. ст. Раздорская — Мелиховская, шла на г. Новочеркасск обходная конная колонна — „Северный революционный казачий отряд“ (10, 27, 44 казачьи полки с 6-ой гвардейской казачьей батареей) под командой войскового старш. Н. Голубова и пом. комиссара Московского военного округа — Пугачевского; боевой состав колонны доходил до цифры 2000 шашек при 4 орудиях.

С оставлением Ростова добровольцами (9 февраля), определилась угроза Новочеркаску и со стороны большевизской группы прапорщика Сиверса (б. редактор „Окопной Правды“, издававшейся на Северном фронте), к которым присоединились большевизские части, подошедшие с Кавказа (112 зап. пехотный полк, части 39-ой пехотной дивизии с артиллерией), плюс большевизская 4-ая кавалерийская дивизия с конной батареей, продвигавшаяся к Новочеркаску через сел. Большие Салы — хутор Каменнобродский.

Главное командование большевизскими войсками, наступавшими на Ростово-Новочеркасском фронте, было сосредоточено в руках комиссара Антонова-Овсеенко, ближайшими помощниками коего являлись: прапорщик Юрий Саблин, командовавший большевизскими частями, шедшими на Новочеркасск и прапорщик Сиверс, командовавший большевизскими частями красной гвардии, наступавшими на Ростов. Общая численность большевизских войск, находившихся в Новочеркасско-Ростовском районе к 9 февраля 1918 года, достигала приблизительно цифры в 20.000-22.000 штыков и шашек при 62 орудиях и нескольких сотнях пулеметов.

Боеспособность большевизских частей (за малым исключением) не была высокой квалификации, объяснение

*) Все даты — по старому стилю.

чему можно найти в отсутствии дисциплины среди красногвардейцев. Существование комитетов в красногвардейских частях, а сверх того наличие штата политических комиссаров, отсутствие кадра опытных командиров, одновременно с этим и совершенная неподготовленность в строевом отношении рабочих-красногвардейцев, расхлябанность солдат-красногвардейцев, сводила на нет и сравнительно большую численность большевистских частей, дравшихся против Донских партизан и добровольцев.

Дислокация Донских партизанских отрядов в Ростово-Новочеркасском районе к 9 февраля 1918, определяется следующим образом: Ростовское направление прикрывалось выдвинутыми в станицу Аксайскую (21 верста от Новочеркасска) 2 сотнями партизан Новочеркасской боевой дружины полковника Ленинова; направление на хут. Каменнобродский — Большие Салы прикрывалось конным партизанским отрядом хор. Назарова и одной сотней партизан Новочеркасской боевой дружины полк. Ленинова (в станице Грушевской — 9 верст от г. Новочеркасска). На северном участке фронта, у хут. Малонесветайского (32 версты от г. Новочеркасска) в направлении на слободу Криничную, действовал конный Атаманский отряд полк. Каргальскова с конно-артиллерийским партизанским взводом.

На центральном участке Новочеркасского фронта, в районе ст. ст. Персияновка — Казачьи Лагери — Каменоломня — хутор Ново-Грушевский, находились на позиции 1 сотня Чернецовского отряда (пор. Курочкин), партизанский отряд войскового старш. Семилетова — 1 и 2-я пешие сотни, конная сотня и конно-артиллерийский взвод, полусогня партизан Новочеркасской боевой дружины полк. Ленинова и 6-ой донской казачий полк (войсковой старш. Тадин), только что прибывший в Новочеркасск с Германского фронта. Направление на ст. Константиновскую (через станицы — Криванскую, Заплавскую, Бесергевскую) прикрывалось конным юнкерским отрядом есаула Слюсарева, сформированным из юнкеров Новочеркасского казачьего училища.

Помимо приведенных партизанских отрядов, находящихся на фронте, в г. Новочеркасске пребывали еще и следующие войсковые соединения (частью на несении караульной службы, частью, в периоде формирования): офицерский резерв (генерал Груднев), партизанский отряд полк. Мамонтова, пулеметная команда полковника Хорошилова, партизанский отряд войскового старшины Маргынова, конный отряд есаула Бокова, конный отряд полк. Краснянского, 2 сотни партизан Новочеркасской боевой дружины полк. Ленинова, Константиновская станичная боевая дружина, партизанский отряд под'есаула Р. Лазарева (2 и 3-я сотни Чернецовского отряда), партизанский отряд (из китайцев-добровольцев) под'есаула Хоперскова, пеший отряд под'ес. Боброва, партизанский отряд ес. Дувакина и др. Что же касается Студенческой боевой дружины (полк. Дубенцев), то она в ночь с 5 на 6 февраля 1918 г. Атаманом Назаровым (по просьбе ген. Корнилова) была прикомандирована к Добровольческой армии, вследствие чего и была переведена из Новочеркасска в Ростов.

Боевой состав партизанских формирований (не считая на сравнительную многочисленность последних) не превышал цифры 3000 штыков и шашек при 5 орудиях и нескольких десятках пулеметов: подчеркиваем, что в норму данной разверстки не входит боевая численность 6-го донского казачьего полка (до 700 шашек). Комплектование Донских партизанских отрядов производилось за счет казачьей учащейся молодежи (и это главным образом) и отчасти офицерства. Рядовое казачество находилось в станичных боевых дружинах, именно Новочеркасской и Константиновской: совершенно необходимо отметить, что казачьи боевые дружины (из станиц) были мобилизованы по постановлению Малого Войскового Круга (Назаровского) и собраны в г. Новочеркасск. Большевицкая пропаганда, отсутствие организованного продовольствия, и самое главное — упадок энтузиазма среди казаков, собравшихся в Новочеркасск для защиты Дона, являлись теми причинами, кои содействовали тому, что казаки разошлись из г. Новочеркасска по станицам и хуторам, за исклю-

чением казаков Новочеркасской и Константиновской станиц.

Высоко развитая жертвенность и чувство подвига характеризуют собой образ Донских партизан грани 1917—1918 г. г., противопоставивших подавляющей физической силе большевиков ни с чем несравненную красоту величия духа...

Общее командование Донскими партизанскими отрядами принадлежало Походному Атаману ген. шт. ген. м. П. Х. Попову.

К 11-ому февраля ушли из Новочеркасска в ст. Аксайскую на присоединение к Добровольческой армии партизанские отряды пор. Курочкина и под'ес. Р. Лазарева, а также самовольно снялся с позиции у станицы Персияновка и 6-ой донской казачий полк, разошедшийся по своим станицам и хуторам. 12 февраля Новочеркасск был сдан большевикам волею Малого Войскового Круга, но Донские партизанские отряды распоряжением Войскового Атамана Назарова оставили Новочеркасск и отошли за р. Аксай под ведением Походного Атамана ген. м. П. Х. Попова. При переправе через р. Дон у станицы Старочеркасской ушли в станицу Ольгинскую на присоединение к Добровольческой армии конные партизанские отряды полк. Краснянского и есаула Бокова; из хутора Арпачина ушла к себе в станицу и Константиновская боевая дружина.

В хут. Веселом (юрт станицы Богаенской) продолжавшаяся три дня стоянка была использована Походным Атаманом и его штабом, для реорганизации и преформирования Донских партизанских отрядов.

16 февраля в хут. Веселом, Походный Атаман отдал приказ в котором определил цели и задачи Донских партизанских отрядов, установив за ними общее наименование „Отряд Вольных Донских казаков“. 17 февраля была закончена общая реорганизация отрядов, именно, мелкие отряды были сведены в один, или же приданы к более крупным отрядам.

Схема организации Донских партизанских отрядов в начале Степного Похода была следующая: „Отряд Вольных Донских казаков“ (общее наименование); высшее командование принадлежит Походному Атаману ген. м. П. Х. Попову. Составные части: 1. Партизанский отряд войскового старшины Семилетова — 3 пеших сотни (коренные „Семилетовцы“, остатки Новочеркасской боевой дружины полк. Ленинова, партизанский отряд войск. старш. Маэтынова, пеший отряд под'ес. Боброва, партизанский отряд есаула Дувакина, „китайский отряд“ и пулеметная команда полк. Хорошилова), 2 конных сотни (под'есаулов Галдина и Зеленкова),³⁾ конная батарея (2 ор.) капитана Шкума (450 штык. и 150 шашек при 2 ор. и 18 пулемет.). 2. Партизанский отряд полковника Мамонтова (110 штыков при 3 пулеметах). 3. Партизанский отряд полк. Яковлева (80 штыков при 2 пулеметах). 4. Штаб-офицерская дружина ген. Базова (150 штык. при 2 пулеметах). 5. Офицерская боевая сотня войск. старш. Гнилорыбова (170 штык. при 5 пулем.). 6. Атаманский конный отряд полк. Каргальскона (145 шашек при 6 пулеметах). 7. Партизанский конный отряд войск. старш. Чернушенко (120 шашек при 8 пулеметах). 8. Конная сотня юнкеров Новочеркасского казачьего училища под командой есаула Слюсарева³⁾ (110 шашек при 6 пулеметах). 9. Партизанский конный отряд хор. Назарова (30 штыков и 190 шашек при 5 пулеметах). 10. Отдельная партизанская батарея (3 ор.) под'ес. Неживова⁴⁾ (80 шашек при 3 ор.) 11. Инженерно-техническая команда полк. Макеева (45 штык. при 1 пулемете). Общая численность „Отряда Вольных Донских казаков“ исчислялась в 2100 чел. (1035 штыков, 895 шашек, до 200 обозных) при 5 орудиях и 59 пулеметах: необходимо указать, что тыловая часть составлялась из походного госпиталя, артиллерийского и интендантского обозов.

³⁾ При 2-ой конной сотне под'ес. Зеленкова числился конно-подрывной взвод.

³⁾ В отряде есаула Слюсарева находилось также и конно-подрывное отделение.

⁴⁾ Боевой состав артиллерийской батареи обозначается в шашках.

Большевики, заняв Новочеркасск, не преследовали Донские партизанские отряды, отошедшие за Дон. И действительно, первые две недели похода были относительно спокойными. Но уже при вступлении в пределы Сальского округа, пришлось столкнуться с большевистскими войсками, преградившими дорогу партизанам для дальнейшего движения... В частности, большевики заняли переправы через Маныч, именно брод у зимовника Ванифатия Королькова (на высоте хутора Соленого), Казенный Мост, что на р. Маныче (между зимовниками Янова и Меснянкина) а также и Андреевскую переправу (вверх по Манычу — в 7 верстах от Казенного Моста).

Заслышав о движении „Отряда Донских Вольных казаков“ в Сальский округ, местные большевики сильно заволновались и решили защищать „завоевания и достижения пролетарской революции“ до последней капли крови от „преступного посяательства“ „кадетских банд“. Нет ничего удивительного в том, что объявленная Платовским станичным советом поголовная мобилизация против партизан имела у местного населения большой успех и даже вызвала известный подъем, если принять во внимание, что местное крестьянство всегда питало ненависть к казакам и калмыкам, бывшими их соседями и являвшимися хозяевами края. В результате интенсивной работы, проявленной Платовским советом, последнему удалось сформировать из местных большевистски настроенных элементов отряд силою в 600 штыков при 4 пулеметах. Сверх того, советом было мобилизовано до 250 Платовских калмыков, которые и были влиты в отряд. Командующий сводным отрядом, составленным из местных большевиков, мобилизованных калмыков и прибывших Царицынских красногвардейцев был избран прапорщик Думенко, инородный хутора Казачьего, станицы Богаевской. Именно с этого времени и начинается карьера Думенко, впоследствии известного красного кавалериста. Аналогичная мобилизация имела место и в станице Великокняжеской, где из рядов местного населения было сформировано три роты красной гвардии.

В конечном итоге, к моменту появления партизан на р. Маныче, местные большевики располагали следующими силами: у зимовника Ванифатия Королькова отряд Думенко (600 штыков, 250 шашек при 4 пулеметах); хутора Шара-Булак — отряд Царицынской красной гвардии под командой Сахно-Сахурского (штабс-капитан) численностью в 220 штыков при 2 пулеметах; на переправе через Маныч у Казенного Моста отряд Чеснокова (урядник ст. Нагавской 2-го Донского округа) силой в 350 штыков при 2 орудиях и 5 пулеметах. Кроме того и в самой станице находилось 2 роты (230 штыков) Царицынской красной гвардии и 3 роты местных красногвардейцев (не вооруженных).

Форсировав р. Маныч и разбив перечисленные большевистские войсковые соединения, „Отряд Вольных Донских казаков“ занял станицу Великокняжескую, каковой факт и надлежит считать решающим моментом в смысле организации вооруженных сил местных большевиков против партизан.

Появление „Отряда Вольных Донских казаков“ в степях Западного и Восточного Конозаводства и проявленная им активность, выразившаяся в производстве партизанских набегов, заставила большевиков сильно обеспокоиться и принять необходимые меры для „ликвидации партизан“.

С оставлением станицы Великокняжеской „Отрядом Вольных Донских казаков“, после боя у ст. Эльмут,⁵⁾ в первую уже ночь 4-го марта приходит 3-тысячный отряд Белоглинской красной гвардии, немного позже (9 марта) в станице Платовской появляется тысячный отряд казаков-большевиков под командой войск. старш. Голубова, прибывший из Новочеркасска для преследования партизан Походного Атамана.

На станице Куберле производится концентрация сил местных большевиков, в число коих входят и каза-

ки станицы Орловской: общая численность этого отряда незначительна: 600 штыков. На следующей большой железнодорожной станции Зимовники помещается главный военно-революционный комитет для всего Степного района, проявляющий себя энергичнейшими действиями. В распоряжении этого комитета имеется сравнительно большая вооруженная сила: отряд местных большевиков (2000 штыков при 5 пулеметах) под командой прапорщика Тимофея Круглякова, казачий конный отряд (160 шашек при 1 пулемете), сформированный из казаков ст. ст. Романовской, Каргальской, Кумшацкой, Цымлянкой, под командой хорунжего Пономарева и его помощника Журавлева (урядник 36-го донского казачьего полка), конная батарея (3 орудия) под командой урядника Х..., ст. Великокняжеской.

Далее вверх по железной дороге (к Царицыну), важным центром средоточия большевиков являлась станция Котельниково, где находился сильный отряд красной гвардии (1000 штыков при 8 пулеметах). Председателем Котельниковского совета являлся некий Чередниченко, полуинтеллигентный тип, обладавший даром т. н. „революционного“ красноречия, а потому и умевший действовать на толпу. Помощником Чередниченко по военной части, являлся Зипунников, бывший в прошлом обездчиком у калмыцкого конозаводчика Ремилева (район Атаманской станицы). Находившийся временно на станции Котельниково отряд Лубашевского: 4 конных сотни (мобилизованные калмыки ст. ст. Беляевской, Потаповской, Чуновской и Эркетинской), а также и казаки станицы Атаманской при 2 орудиях и 7 пулеметах — был переведен на станцию Зимовники, после ухода со станции Зимовники всех большевистских частей в Гашунский район для борьбы с партизанами.

В Гашунском районе, месте наибольшего средоточия хохлацких сел и хуторов, по директивам из Царицыны сформировался местный районный большевистский совет, в состав коего и вошли представители следующих крестьянских поселений и хуторов: Мацинина, Дресливого, Глубокого, Прасковина, Пятото, Мокрого Гашуна, Толстяного, Крюбецкого, Церковного и Хуторского, расположенных по реке Гашун. Председателем Гашунского совета был единогласно избран инородный Максимов — бакалейный торговец из хут. Мокрый Гашун, тов. председателя — Жестовский, коваль из хут. Дресливого и Рыбалкин — солдат из хут. Крюбецкого. В распоряжении Гашунского районного совета имелся отряд красной гвардии, сформированный из местных большевиков (1000 штыков при 3 пулеметах), под командой солдата Скибова, инородного из хут. Белоцерковки (Мокрый Гашун) и его помощника еврея Керсинского, Царицынского большевика. Сверх того, в распоряжение Гашунского совета поступил конный отряд Царицынских большевиков силой в 120 штыков под командой коммуниста Попова.

В станице Атаманской, расположенной в непосредственной близости ст. Астраханской губ., председателем большевистского совета являлся казак Попов. В распоряжении совета имелись отряды, сформированные из местных большевистских казаков: в одном из них главную роль играл старик-казак Карасев с своими четырьмя сыновьями, в другом урядник Ломакин (отряд казаков хут. Крылова, станицы Атаманской).

Для более детального освещения организации вооруженных сил большевиков в Сальском округе против „Отряда Вольных Донских казаков“, надлежит принять во внимание и проведение мобилизации инородного населения Астраханской и Ставропольской губерний. На с'езде в сел. Ремонтное, имевшем место в первых числах марта, решено было произвести всеобщую мобилизацию инородного населения в полосе прилегающей к Донской области, сформировать из мобилизованных отряды и бросить их в степи Восточного Конозаводства для уничтожения партизан. В результате закипела деятельная работа, отовсюду из Астраханской и Ставропольской губерний, за двести-триста верст от границы Донской области отстоящих сел, шли отряды, составленные из местных инородных.

Для руководства боевыми операциями против отряда Вольных Донских казаков в Сальском округе,

⁵⁾ В бою под станцией Эльмут от 28 февраля 1918 г. участвовали со стороны большевиков части Сибирских стрелков.

прибыл Царицынский главковерх Тулак⁶⁾ в сопровождении штаба и небольшого конного отряда. Рядом энергичных мероприятий Тулаку удалось из местных большевических отрядов создать более или менее организованные группы. К 11 марта реорганизация большевиков была закончена и структура их отрядов представляется в следующем виде:

1. Группа Тулака: отряд красной гвардии со станции Зимовники (2.000 штыков при 5 пул.), отряд красной гвардии Гашунского района (1.000 штыков при 3 пулеметах), конный отряд Тулака (300 шашек при 2 пулеметах), конный казачий отряд хор. Пономарева (160 шашек при 1 пулемете), Царицынская батарея (2 орудия плюс 1 тяжелое 48 лин. гауб.). Общая численность группы Тулака — 3.000 штыков, 570 шашек при 3 орудиях и 12 пулеметах.

2. Группа Ломакина: пеший отряд Астраханских большевиков — из сел Амтинское и Якшайское, конный отряд казаков хут. Крылова, станицы Атаманской (60 шашек при 1 пул.), конный отряд иногородних Бурюльской станицы (70 шашек) под командой А. Зенченкова. Общая численность группы Ломакина — 500 штыков, 130 шашек при 3 пулеметах.

3. Сводная группа Колпакова: пеший отряд Ставропольских большевиков (1.800 штыков при 6 пулеметах) из сел Киевка, Гардачи, Якимка, Яшлыки — Ставропольской губ., пеший отряд Астраханских большевиков (1.200 штыков при 8 пулеметах) из сел Ремонтное, Валуйки, Крупническое — Астраханской губ., конный отряд Царицынских большевиков (120 шашек). Общая численность группы Колпакова — 3.000 штыков, 120 шашек при 14 пулеметах.

4. Отдельные отряды: пеший отряд большевиков из селения Новоселовка (220 штыков); отряд Ставропольских большевиков (900 штыков при 3 пулеметах) из селений Большая и Малая Джалга, Ставропольской губ.; отряд Ставропольских большевиков (1.500 штыков при 6 пулеметах) — из слободы Кисты, Ставропольской губ.

Помимо указываемых большевических отрядов, действовавших непосредственно против Отряда Вольных Донских казаков, к 11 марта в Сальском, а отчасти и во 2-м Донском округе, устанавливается наличие следующих большевических сил, предназначенных для борьбы с партизанами.

Станица Платовская: группа Думенко (700 штыков, 300 шашек при 6 пулеметах); казачий конный отряд войскового старш. Голубова (1.000 шашек при 4 орудиях и 14 пул.); Станица Великокняжеская: местный отряд красной гвардии (600 штыков при 2 пулеметах); местный конный отряд (300 шашек при 2 пулеметах); отряд Белоглинской красной гвардии (2.700 штыков при 9 пулеметах). Станция Куберле: отряд местной красной гвардии (600 штыков при 2 пулеметах). Станция Зимовники: отряд особого назначения (300 штыков при 3 пулеметах); конный отряд Лубашевского (500 шашек при 2 орудиях и 7 пулеметах). Станция Котельниково: отряд местной красной гвардии (1.000 штыков при 8 пулеметах).

В конечном итоге, общая численность всех большевических отрядов, сосредоточившихся на территории Сальского округа к 11 марта 1918 года выражается в следующих цифрах: 15.720 штыков, 1.920 шашек, 9 орудий, 88 пулеметов. Ко всему этому необходимо добавить, что линия железной дороги: станция Великокняжеская — ст. Зимовники — ст. Котельниково являлась местом беспрестанного крейсирования большевических бронепоездов, несших службу наблюдения.

Несмотря на колоссальное превосходство в силах, большевики не выполнили своей основной задачи, именно уничтожения Отряда Вольных Донских казаков!... Это обстоятельство легко объясняется тем, что боль-

шевицкая вооруженная масса не представляла тогда еще собой хорошо организованной военной силы, а была всего лишь, если так можно выразиться в данном случае, народным ополчением (в военном смысле слова).

Районные и окружные советы, игравшие одновременно и роль штабов обороны, были наполнены людьми, неумевшими ни читать, ни писать. Мало того, эти советы, инспирировавшие настроение народных масс на борьбу с партизанами, совершенно не усваивали себе директив главного руководящего центра, находившегося в гор. Царицыне, благодаря чему у них и был все время разбой в ведении военных операций. Наличие указываемых фактов и объясняет успешность борьбы Отряда Вольных Донских казаков против большевиков, несмотря на огромное неравенство в силах.

С моментом переправы Отряда Вольных Донских казаков через Дон у станицы Нижне-Курмоярской, организация вооруженных сил партизан приняла несколько отличный характер от ранее предшествовавшей структуры. В частности Походным Атаманом были подписаны приказы о расформировании партизанских конных отрядов войскового старш. Чернушенко и есаула Назарова. Далее, была выделена особая группа полковника Мамонтова и направлена в станицу Нижне-Курмоярскую на поддержку восставших там казаков. Состав группы полковника Мамонтова был следующий: Партизанский отряд полковника Мамонтова (260 штыков при 4 пулем.); конный отряд войск. старш. Гнилорыбова (140 шашек при 6 пулем.); конный отряд полк. Каргаловского (130 шашек при 3 пулем.); Партизанская батарея б. под'ес. Неживова (2 орудия — 45 шашек); Калмыцкая полусотня (100 шашек). Общая численность группы полк. Мамонтова — 260 штыков, 415 шашек, 2 орудия, 13 пулеметов. Сверх того при обозе находился большой груз винтовок, предназначенных для вооружения восставших казаков.

В станице Нижне-Курмоярской Походным Атаманом был оставлен небольшой партизанский гарнизон под главенством полк. Антонова: в состав гарнизона вошла офицерская сотня войск. старш. Шабанова (90 штыков при 2 пулеметах), а также и одно орудие (под'есаула Аврамова) с прислугой в 25 партизан при 1 пулемете из Неживовской батареи.

С остальными силами Походный Атаман двинулся вниз по р. Дону на захваченных у большевиков пароходах. В состав его группы вошли следующие отряды: Партизанский отряд войск. старш. Семилетова (370 штыков, 150 шашек, 2 орудия, 18 пулеметов); Партизанский отряд полк. Яковлева (110 штыков при 3 пулеметах); Конный юнкерский отряд есаула Слюсарева (85 шашек при 6 пулеметах); Инженерно-техническая команда полк. Макеева (45 штыков при 1 пулемете) и 2 калмыцких конных сотни⁷⁾ (320 шашек при 5 пулеметах). Общая численность группы Походного Атамана, двигавшейся к Новочеркасску, исчисляется в 525 штыков, 555 шашек, 2 орудия и 33 пулемета. В станице Константиновской в состав группы вошел сводный полк есаула Климова (из казаков 2 и 9 полков), в составе 520 шашек при 2 пулеметах. В станице Раздорской части Отряда Вольных Донских Казаков были двинуты на помощь восставшим казакам Черкасского округа, именно, заняли участок фронта у гор. Александровск-Грушевского, занятого превосходными силами большевиков (до 10.000 штыков с многочисленной артиллерией) под командованием б. офицера Деревянкина. Здесь на позиции и была образована т. н. Северная группа полковника Семилетова, в состав коей вошли: партизанские отряды полковников Семилетова, Яковлева, есаула Слюсарева, две калмыцкие сотни, инженерно-техническая команда полк. Макеева, сводный полк есаула Климова, а также и станичные полки восставших казаков, именно — Мелеховский, Раздорский, Верхне и Нижне-Кундрючский полки. При взятии гор. Новочеркасска (23 апреля) частями южной группы полк. Денисова из состава Северной группы (части Отряда Вольных Донских казаков) участвовали: 2-ая конная

⁶⁾ Ошибочно полагать, что в боях против частей Отряда Вольных Донских казаков у хут. Савоскина, на куричьей балке, зимовника Трубинова, хут. Хуторского, Бурюльского ст. Эркетинской ст., на переправе через р. Сал (у Андреевской ст.), участвовала группа главковерха Кулакова! Такого главковерха не было, ибо фамилия Тулак была передана в Кулака, а потом и Кулакова, командовал указанной группой Тулак.

⁷⁾ Калмыки Платовской и Граббевской станиц, присоединившиеся к партизанам.

сотня (есаула Зеленкова) партизанского отряда полк. Семилетова и сводный полк есаула Климова.

Цель настоящего очерка заключается в том, чтобы дать наглядное и рельефное представление о составе и соотношении сил Огряда Вольных Донских казаков и большевиков в Степном походе. Следуя указанному, автор никаким образом не затрагивает никаких других моментов, сопутствовавших славный и тяжкий поход Донских партизанских отрядов из Новочеркасска через калмыцкие степи Сальского округа вновь к Новочеркаску, столице Донского Войска.

Работая продолжительный срок времени над составлением истории Степного похода, пользуясь для этого всеми необходимыми данными, включительно до выемок из дел отдельных партизанских отрядов, Штаба Походного Атамана, военно-революционных комитетов ст. ст. Зимовники, Котельников, сел. Малый Гашун и т. д., а также свидетельскими показаниями офицеров и партизан Огряда Вольных Донских казаков, опросом местных жителей, изучением всех печатных материалов, относящихся к описанию времени Степного похода, автор полагает для себя возможным в недалеком

будущем передать в печать свой труд, посвященный исследованию Степного похода.

Со времени Степного похода прошло четырнадцать лет и что-же мы видим? — несколько кратких общего содержания статей, два — три стихотворения, вот и вся литература о степном походе. Даже в „Донской Летописи“ — издании Донской Исторической Комиссии, трудах воспроизводящих описание истории революции и „гражданской“ войны на Дону в период 1917—1919 г. г., читатель найдет лишь четыре — пять страничек, посвященных Степному походу. Чем объяснить подобное отношение к столь значительному моменту в новейшей истории Донского Казачества?... Разве героизм партизан степняков не заслуживает внимания уже в силу того, что „он сохранил идею казачьей борьбы с советской властью, он спас честь и знамя вольного казачества“ (Донская Летопись, № 3, стр. 9).

Пришло время, сказать то, что нужно о Степном походе и сделать подробное описание похода достоянием истории...

Вечная память, вечная слава всем героям партизанам-степнякам, погибшим за честь и славу Донского Казачества на Донской земле в тяжкий 1918 год.

Книгочий.

Основные черты и типы в творчестве Ф. Д. Крюкова.

(Окончание).

II.

В рассказе Крюкова „Неопалимая Купина“ („Русское Богатство“, 1913) центральным действующим лицом является истинно-русский патриот и националист учитель Мамалыга, явно инородческого происхождения; какой именно национальности — автор не захотел точнее определить, — не вполне ясно: не то украинец, не то молдаван, не то выкрест из украинских или бессарабских евреев. Скорее всего Мамалыга принадлежит именно к последним. В гимназии Мамалыга преподает историю и жестоко, „на политической почве“ преследует при этом учеников. Очень часто, отвлекаясь от своих прямых обязанностей, Мамалыга предается лирическим отступлениям и излияниям своих истинно-русских патриотических чувств: „русский народ — народ державный — в пределах собственной империи — затоптан и попран“. Всем, конечно, управляют „инородцы и иноверцы“. В ответ на излияния Мамалыги гимназисты из „инородцев и иноверцев“ кричат ему с мест: „А какой вы национальности? Молдаван? Кучовлах?“ Мамалыга орет им: „Хулиганы!“ Гимназисты Мамалыге: „Сам хулиган! И жид! Инородческая морда!“

Мамалыга вскипает: „я — инородец?“ Вскикивает со стула и в негодовании швыряет свою записную книжку. „Я русский более, чем все вы вместе взятые, даже с вашими родителями! — стука себя в грудь толстым волосатым кулаком, сказал он тихо, стиснув зубы, шипящим и ненавидящим голосом — и класс опять замер в едином, насторожившемся, охотником внимании. — Да-с, я — верный сын России! И именно за это самое — я знаю — я так и ненавиستن вам и вашим близким!... Да! За это!... За прямоту русских убеждений!... Но... ждите меня, режьте, распинаяте — я не изменю своих взглядов! Не отступлю! Был и буду до гроба верен началам русским... православным началам, возглавленным самодержавием!“

Повесть „Новые дни“ („Русское Богатство“, 1907) содержит безусловно много автобиографических черт и настроений. В ней изображена гимназия времен тревожных лет японской войны и первой революции (1904-1905 годы). За исключением одного единственного словесника Краева, некоторыми чертами напоминающего самого автора, все остальные учителя — типы „людей в футлярах“. Краев, одновременно с преподаванием словесности, является надзирателем в гимназическом

пансионе. Окружающая обстановка — тупые и свирепые казенные педагоги и ученики, тупеющие „под благосклонным воздействием“ учителей, — все это действует на Краева весьма угнетающе.

Два ученика — украинца, братья Поплавские, поют украинскую песню в темном уголке столовой пансиона — и эта вольная степная песня напоминает Краеву его собственную родину, давно покинутую в ранней молодости:

„Два брата Поплавские, забравшись в темный уголок столовой, напевали малороссийскую песенку. Тихо лилась нежная мелодия одинокого раздумья и касалась сердца щекочущей грустью томительной разлуки и грезящей любви.

— По-вій ві-тре
до-о схід сон-ця...

„Неясный и далекий, как мечта, тающий звук молодых голосов медленно капал или вливался осторожными, обрывающимися струями в сосредоточенно-задумчивый сумрак темных углов, а кто-то робко плакал в них, тихий и застенчиво тоскующий... В тишине, наполненной детским дыханьем и детским бредом, рождались загадки, недоуменные, закутанные тайной вопросы. Вставали воспоминания. А вслед за ними ползла горечь сожаления об утраченном, томительная тягость, беспредметная, серая тоска. Ах, как жаль было чего-то!... Может быть прожитой молодости? Как ушла она — скоро, скрытно и безвозвратно. Со всеми ее мечтами, надеждами и бессильными порывами... Износилось здоровье, сердце испортилось, исчезли мускулы... И хоть бы одно яркое воспоминание!... Скучная, серая лента однообразных дней тянется там, в сумраке прошлого — дней, отравленных тошной горечью служительского существования, хамской привычкой к жалкой сытости, к жалкому полуконфарту, хамским страхом перед голодом и риском самостоятельности и свободы.

„Какая усталость... Длинный, бесконечный, бесплодный день...

„И какая грусть в этой милой, нежной песенке мечтательного юга, далекой родины, прекрасной родины с ее зеленым простором, с шумливыми, светлыми днями шаловливого детства, с поэтическими, жаркими звездными ночами мятежной юности... Как безнадежно далека она!“

Краев, заподозренный школьным начальством „в политике“, получает приглашение попечителя учебного округа для объяснений. Попечителю Краев без труда доказывает неосновательность подозрений: „Смею уве-

рять, ваше превосходительство, что в младших классах, где я преподаю, ученики настроены высоко патристически". Он хотел прибавить: „и из патристизма дуют своих товарищей — жиденят и немцев“, но воздержался.

В этих последних словах опять таки проглядывает постоянная черта Крюкова — большая восприимчивость и чуткое отношение ко всем проявлениям национальной вражды и несправедливости. Черта вполне понятная — ведь Крюков сам принадлежал к „меньшинствам“ б. Российской Империи, а потому столько внимания уделял в своем творчестве национальному вопросу.

В рассказе „Мечты“ („Русское Богатство“, 1908 г.) автор более подробно очерчивает межнациональные отношения на Дону.

При всем кажущемся добродушием рассказа, закутанного в юмористическую оболочку, от него явно веет недоброжелательством по отношению к русским. Сотник Роман Ильич называет их „дьяволами“, казак Маштак говорит им „ваш брат вроде жидка на нашей стороне“.

„Самоуправный народ — русские... до того самоуправный — просто говорить не остается! понторил несколько раз укоряющим тоном Роман Ильич, отставной сотник.

„Шишов, Федот Иванович, хозяин лавки, румяный, солидный комплекции господин, молча нанизал на молчалку сухие, твердые как камень, крендели, завязал ее в узел и встряхнул связку.

— Вот попрекаете нас, Роман Ильич, с снисходительной мягкостью полированного человека сказал он, подавая связку, — а я имею честь пред'явить вам, что совершенно напрасно. С людей беру по шести, с вас кладу по пять с половиною. Одинадцать копеек-с... два фунта... русский народ отнюдь не самоуправный“.

Сотник Роман Ильич, как единственный офицер в станице, привык к почету, не терпел конкуренции и ревниво наблюдал затем, чтобы его чин знали и помнили, чтобы в церкви никто раньше его не подошел к кресту, чтобы при встрече ему давали дорогу и снимали перед ним шапки. Но умом был простоват, как все старинные люди. Жизнь он прожил долую. Хотя она не была разнообразна и богата событиями, но за восемь десятков лет накопилась достаточная куча, из которой он по временам извлекал кое-какие обломки на потеху своим слушателям, сам не замечая, что забавляет их своей первобытностью.

— Самоуправный, дескать, народ... — повторил Шишов, и в голосе его послышался играющий смехок: значит, обвиняете вы нас с Ферапонтом, не иначе. Мы с ним тут русские, а вы трое будучи казаки. Хорошо-с. Это еще не голос. А вот-позвольте вам, наоборот, возразить насчет казаков: как ваш батюшка — царство небесное! Ермак Тимофеевич жил, разбой держал, так и сейчас этот манер не-вышелся...

— Ну, нет, брат, сейчас-казаки дисциплину знают! — строго и с достоинством возразил сотник.

— А я вам на это имею честь возразить следующим примером: вон у меня в горнице висит сейчас картина и на ней разные народы, какие под нашей державой состоят. Но почему казаков там нет? Объясните мне, сделайте милость! Значит, поэтому они в списке у царя не состоят?...

Роман Ильич посмотрел в полуоборот на Шишова слегка озадаченным взглядом человека не быстро соображающего. Но склонного к обидчивости, и враждебным тоном возразил:

— Не может быть! Хвастаешь, должно быть?

— Извольте поглядеть, ежели не верите... Звания нет!

Смех прыгал и в глазах и в голосе Шишова, и похоже было, что вот-вот он брызнет из него кипящим фонтаном и захватит всех присутствующих.

Бородатый Маштак, закулив цыгарку и выпустив клуб дыма, который сразу окутал почти всю лавку, поспешил на выручку к замаявшемуся сотнику и сказал успокоительно:

— Они при его лице служат, он их и так знает.

— И без списка! Верно! — радостно-благодарным голосом воскликнул Роман Ильич и сочувственно ткнул связкой кренделей в сторону находчивого Маштака: — верно!

Лохматая шапка его закивала торжествующим жестом и черная танцующая тень от нее запрыгала к потолку.

— Это верно! Правильно! А вот вы русские также и хохлы, об вас без списка того... и позабыть можно.

— Вы нас, стало быть, с хохлами равняете? Это даже обидно!

Шишов небрежно ловким жестом отбросил долговую книгу в ящик с подсолнухами и уперся кулаком на прилавок.

— Позвольте вам на это возразить из истории. Как из самой древней истории сказано, что русского вылепили из серой глины.

— Прочный материал! — заметил в скобках Ферапонт, сооружавший гигантских размеров цыгарку.

— Из серой глины, а хохла — из пеклеванного теста...

— Хохол — дурак! тоном безнадежного сожаления сказал сотник.

— Да... так из пеклеванного теста его, — продолжал Шишов неторопливо, с манерами опытного повествователя: — ну-те-с, хорошо-с, из теста... И, стало быть, на этот случай прибегла собака... Прибегла к этому делу собака, сцапала хохла и проглотила. Проглотила — бежать! И сколько бежала, все хохлами...

При неожиданно-звонкой рифме, созданной прямым словом, сотник затрясся от смеха, и живот его, как студень, долго еще колыбался даже после того, как дружный залихватистый общий хохот других слушателей смолк и они ждали продолжения.

— На конец того дела, вдарилась она об угол, и выскочил из нее хохол с плугом.

— И з волами? — спросил Попков, подражая малороссийскому*) выговору и давись от смеха.

— И с волами. Вот отколь они все на волах-то ездят.

И когда Шишов кончил свою забавную историю, в которой с несомненностью доказывались все генеалогические преимущества русских, т. е. великороссов перед хохлами, — все смеялись долго, до усталости, сперва разом, а потом наблюдая некоторую очередь: кто нибудь вспомнит отдельный эпизод, подсыпал краткое замечанье, остроту, и опять из лавки в насторожившуюся темноту выскакивал раскатыстый залп прыгающих звуков и звонко разбежался в оба конца немой улицы.

— Это верно... Хохлы — они мягкий народ, — сказал сотник, потрясая мохнатой папай: — а вот вы, русские... у-у, дьяволы, сурьезные... да что за натуральная нация!

Он поковырял клюжкой по серому наследенному полу, вспоминая что-то из своего минувшего.

— Раз меня в Дубовке... ну как обидели, так обидели... Давно, лет пятьдесят прошло, а вспомню — и сейчас руки аж чешутся.

— Вы по этому случаю на всех русских и сердце имеете, ваше благородие? — почтительно заметил Ферапонт: — дубовские, значит, виноваты, а мы, шацкие, отвечай!

— Все вы одной бабки внуки! — Сотник энергично взмахнул связкой кренделей, и они опять звонко прогремели, сообщая коротким сердитым звуком особую убедительность его словам.

— А что главное — правильности нет! Норовят кучей на одного наестся, а не то, чтобы один на один... Мне не то обидно, что били... Бей, пес с тобой, ну бей по закону! Я люблю, чтобы правильность была во всем...

Роман Ильич строго, в полуоборот, посмотрел на Ферапонта воинственным взглядом, ожидая возражений. Но Ферапонт не возразил, а отвернувшись из веж-

*) Следует заметить, что Ф. Крюков не влагает в применяемые им по отношению к украинцам термины „хохлы“, „малороссийский“ враждебного или пренебрежительного отношения.

ливости, выпустил заряд дыма по направлению к улице и затем изобразил на своем лице самое почтительное внимание. Сотник провел костью по темному, грязному полу прямую линию, — жестикуляция часто опережала у него слова, — и голосом старой грусти начал:

— За досками мы ездили, значит. С фурами. Железных дорог тогда не было, — на быках. Наклали фуры, — я, по грешности, в харчевню: выпью, думаю, на дорогу шкалик... Взошел, а их там, этого мужичья, руки не пробьешь! Галдят у стойки сбились в кучу. А у меня воза стоят, некогда до смерти. И все таки я — офицер, само собой... — Посторонитесь! — говорю — „Чего посторонитесь? Какой широкий. Сам посторонитесь!“ — Дайте дорогу, — говорю, — я офицер! — „Мы из тебя не видим, офицер ты или нет, а за свои деньги в кабаке каждый шаровариться может. Ах ты, — думаю, — мужичья твоя морда! Развернул — черк одного в сопатку! Он назад себя... Подались. Я тут другого. Они к двери. Бе-ежать?... Стой, думаю, не уйдешь! Сердце во мне даже разгорелось, и зачал я их тут ссланивать — кого в едало, кого в пузо, кого в затылок... Мужичье!... Только какой то подлец — не знаю как — подкатился мне под ноги, я и выстелился через него. Ну, тут уж они все на меня... И пока наши от возов-то прибегли они мне сыпнули!... И будь бы у них понятие, ежели бы не все кучей лезли один на другого, — каждому хотелось поскорей вдарить — то аминь бы тут мне был... Ей-ей! А то они сбились надо мной, суют руками, а размахнуться негде, без толку все... Тем и спасаю.

Роман Ильич с победоносной улыбкой оглянулся на своих слушателей, и они каждый по своему выразили свое радостное изумление. Шишов издал тонко-свистящее шипение: тсс... Маштак добродушно загнул многоэтажное слово по адресу несообразительных дубовских мужиков, а Попков коротко сказал „галманы“.

Вл. Куртин.

Тени минувшего.

Трагедия Кубанской
беспомощности.

„Князь Муралов“.

Откуда он появился на Кубани, этот смутного времени „князь“; кто ему дал право карать население освободившихся от большевиков станиц и за что его, это освободившееся от большевиков население станиц, нужно было „карать“ — пусть разберут будущие историки.

Может быть они найдут смысл и оправдание карательных подвигов „князя“. Может быть даже занесут его в святцы „собирателей земли русской“... Может быть... Все может быть...

Современники же только плечами вздергивали да со страхом поглядывали на дорогу: не пылит ли широкий кубанский шлях, не несется ли по нем птица-тройка карающего князя, а перед ней и за ней в клубах пыли не мчатся ли его „белые“ сателиты...

И — ни смысла, ни оправдания, ни собиранья земли в существовании „карательных отрядов“ — не видели.

Наоборот — разврат, провокацию святой борьбы за свой порог и угол, за старинные вольности.

Жгучую ненависть к своему возглавлению сеял „князь“ между иногородним населением станиц, а между казаками страх перед опричиной, дотоле им неведомой. И — полнейшую растерянность, недоумение: кто хозяин на Кубанской Земле — Атаман ли с правительством, или вот эти „князья“, Бог весть откуда слетевшиеся на кубанские станицы...

В белой папаче, с черной повязкой через левый глаз, в шикарном экипаже, запряженном тройкой скакунов, окруженный черкесами, хищным коршуном влетал „князь“ в мирно налаживавшую свою жизнь станицу. Прямо к правлению. Сразу, как вкопанная, станет взмылившаяся тройка.

Ферапонт покрутил головой и затем осторожно, тоном извинения, заметил:

— Да ведь на своей стороне, понятное дело, там стены помогают... Тоже нашего брата тут у вас мало ли учат?

— И правильно! — сказал Маштак добродушно-грубым тоном.

— Ваш брат тоже... вроде жиды на нашей стороне... Придет, к примеру, в лаптях, в одних портках, глядишь — через месяц у него сапоги амбургского товару, триковый пиджак, штаны по журналу сшиты... А все плохо им! Сунься-ка мы к вам, — вы утрете скоро! Вон и их благородие — офицер, и то не постеснялись.

Маштак немного издевался, подтравливал Романа Ильича. Старый сотник поддавался на этот прицел... Героические воспоминания разбудили в нем дух тщеславия, и он не без хвастовства воскликнул:

— Ну, я и сам в долгу не остался. Не-ет. Я тоже одному из них после того вложил... чтобы он знал да помнил обед да полдны.

И рассмеялся очень довольным смехом.

— Дегтярь, тоже из дубовских... от обедни иду... воскресенье как раз было. Народ, конечно. Шинель на мне с капюшоном. Николаевская, офицерская. Вот он и едет. — „Дегтю! Дегтю!“ — „Стой! Ты отколь?“ — „Дубовский, ваше благородие“. — Ты дубовский? — „Дубовский“... Зараз я шинель с себя долой, повесил ее к Митрий Ивановичу на ворота. Ты дубовский! Развернул, к-как дам ему сюда! Он брык с дрог! Картуз в сторону, виски кучерявые, как у старого барана. Вцепился я в них и зачал водить. Водил-водил. — Ваше благородие, помилуйте! — А-а с-сукин-сын! Помилуйте! Закажи своим дубовским как донского офицера бить“. — А меня кто утюжил, такой раз'этакий? — „Впервой вижу вас, ваше благородие!“...

— А-та-ман! — не слезая с экипажа, властно кричит „князь“.

С правой рукой у „головного убора“, левой придерживая шашку, спешит, спотыкаясь, атаман.

— Ваше сиятельство, в станице Н-ской все спокойно!...

— Спокойно? Насмешливо переспрашивает „князь“, обмеривая атамана выпученным глазом.

— А сколько у вас в тюрьме большевиков?

— Большевиков ни одного, а есть „пересыльные“ в отдел для установления личности...

— Что?... вспыхивает „князь“, а чорный глаз его заливается кровью.

— Большевиков скрываете? Установление личности?... Отдел?... Покажу я вам „отдел“ и „личности“... Дежурный, ключи!...

Позвякивая ключами, дежурный нерешительно поглядывает то на „князя“, то на атамана...

„Князь“ соскакивает с экипажа и пружинной походкой опьяненного властью юноши направляется к тюрьме. За ним атаман, дежурный и десяток спешившихся абреков.

Протесты атамана остаются в лучшем случае — протестами. Ворота тюрьмы открываются. Черкесы выволакивают заключенных... Если среди заключенных были и женщины, их обыкновенно тут-же на правленском дворе нещадно пороли, а мужчин или вывозили с собою за станицу и там рубили, или приканчивали в той же тюрьме...

И все это продельвали с полным сознанием важности и нужности „кары“ над в большинстве случаев ни в чем неповинными людьми.

Исполнив „долг“, с пышными от садистического возбуждения ноздрями, „князь“ усаживался в экипаж, черкесы вскакивали на коней и — по широкому кубан-

скому шляху опять клубится пыль, вихрем удаляясь от одной и приближаясь к другой станице...

В некоторых станицах „князь“ не удовлетворялся тем, что находил в пересыльных тюрьмах. Запугав атамана обвинением в укрывательстве большевиков, он приказывал арестовывать и доставлять в правление всех „сомнительных“... А там уже его черкесы делали свое дело...

Это называлось „чистой станицы“.

Кто он был и откуда, в станицах не знали. Но, конечно-же не князь и не черкес. Еще меньше казак. Ибо никогда еще ни один казак за князя себя не выдавал. За царя — еще так-сяк, но не за князя. Знали лишь, что „князь Муралов“ был обрядившийся в черкеску „доброволец“. Даже, как говорили, и не офицер.

Кто ему дал право контролировать станичных атаманов, судить и тут же приводить свой „суд“ в исполнение, и давал-ли ему кто право... Только... только по челбасским, бейсугским и прикубанским станицам хорошо запомнили белую папаху, черным перевязанный один глаз и кровью налитой другой „князя Муралова“.

В то страшное время на Кубани было много всяких авантюристов, терроризировавших станицы, распалаявших смертную вражду между казаками и инородными, вызывавших у тех и других ненависть к добровольческой армии и — уклонение от самой борьбы за освобождение...

Два казака-малолетка сопровождают толпу в 23 человека „сомнительных“ в N-ский отдел. Среди арестованных есть бездомные, беспаспортные бродяги,

которым в отделе нужно „установить личность“, два цыгана, обвинявшихся в краже хомутов, три-четыре приказчика и один парикмахер, которые обвинялись в том, что еще до революции были „сицилистами“, а теперь, хотя к активным большевикам и не приставшие, но все-же „сомнительные“, которых реабилитировать может только отдел. Все „дело“ о них в отделе ограничилось бы: для некоторых — выдачей соответствующих удостоверений, для некоторых — передачей судебному следователю, а большинство, как не имеющие за собою никаких установленных данных быть арестованными — были бы в тот-же день отпущены.

Но... но уже вблизи самого отдела, когда казаки-малолетки с „сомнительными“, свернув с дороги, отдыхали, мирно покуривая, на них, как снег на голову, свалился „князь“.

— Стой!... Что это? Большевики?!

— Что?.. В отдел?!!... Какой отдел?.. Что это еще за отдел?..

— Налетели конные черкесы „князя“, засверкали шашки и через несколько минут 23 кровавых трупа лежали в овраге, в стороне от дороги... А в отдел пришли два казака-малолетка с „пакетом“, в котором „докладывалось“, что они сопровождают 23 человека пересыльников в распоряжение атамана отдела...

А атаман отдела в то время мог только: поставлять, доставлять, снабжать, пополнять и — молчать. Распоряжались другие. Сила была у других. Своя-же, казачья, — на московской дороге...

Думы и мысли.

„Чем ты был и чем стал и что есть у тебя?“

С такими словами обращается поэт к русскому мужику и мне кажется; настало время обратиться с такими же словами к „русским казакам“, добавив еще вопрос: „и на что вы надеетесь в будущем, свернувши со своего исконного, исторического национального пути и увлекая с собою на этот путь других казаков, неумудренных политическим опытом, чтобы уметь отличить правду от лжи, или живое от мертвого?“ Не мешало бы им помнить евангельские слова: „Горе тому, кто соблазнит одного из малых сих...“ Конечно, мое обращение я направляю не к тем немногим сановным казакам и даже, может быть, к некоторым атаманам, забывшим свой долг перед своим народом и предпочтительному святому долгу служение мертвой идее отошедшего в вечность былого. Конечно, для мозгов отчасти отработанных на чужой для казачества политической работе, только и возможно фиксировать хорошее былое, созданное казаками и поддерживаемое ими же, как наследие былой славы, стоявшей стольких казачьих жертв и рек казачьей крови.

Восхваляя казачью „доблесть и казачьи традиции, они, в то же время, стараются завернуть казаков с истинно-национального казачьего пути и направить по чужим вехам московской дороги. Правда, в этом нет ничего удивительного; явление общечеловеческое, и среди казачества, как и во всяком другом обществе, немало есть таких, которые привыкли гнуть шею и бить об пол лбом; они не могут для себя представить иного существования, благодаря долголетней практике прислуживания и, умудренные житейским опытом, эти „государственные мужи“ русского толка, привыкшие жить под диктовку, растерялись бы и почувствовали бы себя слабыми, если бы им пришлось жить самостоятельно. Вот отсюда то и исходит тактика внушения пораженчества казачества и их толчение воды в ступе: „Казачество слабо и существовать не может“.

Так ли это? Чем было Казачество, мы знаем из трудов наших историков, и чем оно стало и почему так случилось знаем со страниц нашего журнала. Господа пораженцы, дайте себе труд оглянуться назад в глубину веков и мысленно пройти тот путь Казачества, по которому его направила прежняя Россия, до

кременных мук и распятия, на которые обрекал его современная Советская Россия. Господа, неверующие в себя и в свои силы и навязывающие это бессилие другим, проследите внимательно историю Казачества, было ли Казачество побеждено хотя бы раз?

— Нет. Поставленное в невозможные условия существования, Казачество меняло места и на новом месте возрождалось, не теряя своего национального лица.

И если в войне с Россией Казачество терпело неудачи, то красной нитью всей нашей истории проходит непрерывная цепь лиц, честолюбцев, подобных вам, предавших казачье дело из за личных интересов. Вдумайтесь хорошенько и посмотрите в историческое зеркало: не являетесь ли вы прототипами тех „русских казаков“, что помогали Петру I-му и Екатерине II-й заливать казачьи земли кровью в угоду русским владыкам и убивать волноказачий дух в нашем народе?

Один из станичников в письме ко мне высказывает сомнение в возможность независимого существования Казачества (с экономической стороны). На страницах журнала „В. К.“ много говорилось, писалось и пишется об экономических, социальных и политических возможностях независимого Казачества. Нужно или совершенно не знать свои края и их богатства, чтобы сомневаться, или же быть неразумным ребенком, который умеет читать, но не научился еще уяснять смысл прочитанного. Если некоторые казаки терзаются пустыми сомнениями и, ослабев духом, сворачивают в придорожные кусты, как то сделал г-н Быкадоров, то нельзя не признать знаменательность того факта, что замечено даже иностранцами. Сербский поэт Нушич, интересовавшийся казачьим вопросом и историей, говорит о казаках: „Казаки это — здоровая, артериальная кровь России, дававшая последние жизненные импульсы“. И вот эта „драгоценная кровь России“ проливалась веками той же самой Россией для расширения и укрепления последней. Почему же при самостоятельном существовании Казачества та же самая артериальная кровь не может послужить для чисто казачьих целей, а именно: для расширения и укрепления своего собственного государства?

Другой станичник в письме ко мне пишет: Широкая автономия для Казачества я понимаю, но не на-

хожу целесообразным его полное отделение от России. Это пишет молодой казачий офицер с общим образованием, но думаю, что по молодости он просто не дорос до мысли самостоятельного существования Казачества, или вернее его мозг недостаточно созрел, чтобы уяснить и переварить мысль о выгодах самостоятельного существования Казакии; еще не созрело чувство национальной особенности.

Так ли мы слабы, господа, уходящие в придорожные кусты? Возьмем духовную сторону казачьего народа и сравним его с той же других народов, борющихся за свою независимость и свободу и представим самому читателю вывести заключение, возможно ли возрождение независимого Казачества? История нам дает много фактов. Не буду останавливаться на длинной цепи исторических фактов борьбы итальянского народа против австрийского владычества. Укажу только, что студенческие и профессорские батальоны, плохо снабженные оружием и плохо обученные, но крепкие и сплоченные идеей национальной свободы, разбивали многочисленные регулярные австрийские войска, а также и папские, состоявшие из швейцарцев и французов. А вот еще более знаменательный исторический факт, поучительный для вас, господа маловеры, когда дух народа побеждает все преграды: Во время французской революции все европейские державы, привлеченные реакционерами-эмигрантами, т.-е. Англия, Германия, Австрия и Италия обрушились на французский народ, то только порыв и подъем национального чувства этого народа смогли найти путь и организовать оборону нации и свободы против многочисленных полчищ и добились признания республики.

Один из дряхлейших казаков как-то мне сказал, что казаки не настолько сильны, чтобы отстоять свою независимость в борьбе с Советами подобно Польше. Так ли это? Так ли мы, казаки, слабы в духовной мощи, чтобы не противостоять России? Что сыграло главную роль в борьбе Польши за свою независимость? Глубоко проникший национализм, впитанный в душу каждого поляка, патриотизм, любовь к своему краю и к своей свободе. А развитию этих могучих главных сил в народе послужила своя польская история, которая несмотря на русский контроль, все-таки передавалась из поколения в поколение и каждый поляк с детства воспитывался и выросал с твердым сознанием, что у него есть непримиримый враг — Россия, отнявшая у него свободу. А укреплению такого чувства способствовали сами русские вельможи, своим террором старавшиеся убить всякую мысль о свободе. Так, например, Суворов в 1794 году только в двух городах в Измаиле и в Варшаве казнил 14000 душ (Storia Universale — Decio Cinti, soconde vol.). Казаков русские правители и их помощники — русские казаки — тоже уничтожали не мало тысяч и, кажется, хорошо памятна кровавая расправа Петра I-го с Булавиными и его казаками, а также с Разинным и другими, и, однако, это не под-

няло казачьего национального чувства на должную высоту. Любить то мы любим свою станичную колокольню и готовы за нее жизнь отдать, а всем объединиться под единым национальным вольноказачьим знаменем — как-то боязно. А что скажут, мол, русские? Ведь не даром же двести лет они нас перевоспитывали из казаков в русских, стараясь превратить вольного человека в безвольного раба, степного и горного орла в домашнюю курицу.

Не будьте же господа тою крыловскою мышью, которая рассуждала так: „Что если лев будет драться с кошкою, то льву не сдобровать, ибо сильнее кошки зверя нет“.

Не забывайте: *volere — potere* (желать, значит — мочь). Казаки в недавней неравной борьбе напрасно растратили свои силы и потерпели неудачу, потому что боролись за чужие им цели. На этот путь их увлекли русские политики и черно-белая реакция. Верьте: не в силе Бог, а в правде, а борьба Вольного Казачества есть борьба за правду, за национальную свободу, за независимость и за право самому распоряжаться своим порогом в своей хате. Идеалы Вольного Казачества не туманны, как то были идеалы русских идеалистов шестидесятников, а они ясны, жизненны и ярко начертаны на вольноказачьем знамени: „Наш девиз — Казачья Воля; Казакия — наша цель“.

Есаул Посохов.

Вольным и невольным казакам.

Дорогие станичники всех 13 Войск! Вы послушайте, как ценят и чествуют русские люди нас, казаков. Так становится обидно, что сердце обливается кровью, хочется плакать, ругаться и не знаешь, на чем отвести свое горе и досаду, когда слышишь незаслуженное унижение целого народа и их высших представителей. Дело в следующем:

Передо мной харбинская газета „Гун-Бао“ от 5 ноября 1931 года №. 1504. Русский человек, написавший статью „Беды русской эмиграции“ и под заглавием „Атаманичина на Дальнем Востоке“, не пожелал подписаться своей фамилией, а псевдонимом — „Эмигрант“. Много он тут писал и даже не дописал (продолжение следует). Он описывал, как атаманичиной подрывалась власть адмирала Колчака. Тут были атаманы: Семенов, Калмыков, Барон Унгерн, Сатунин, Красильников, Анненков, и др. О них я писать не собираюсь, потому что все они не только не атаманы, но даже не казаки, кроме атамана Семенова, но он жив и за себя сам даст ответ.

Между прочим „Эмигрант“ пишет: „На восточной окраине Сибири, как и у Дона, оформились свои национально окрашенные, и в то же время разрушительные силы: атаманичина востока беззастыдливо подтачивала деятельность, направленную к восстановлению общего правительственного центра, и, рядом с одинокими индиви-

От редакции:

Были уже случаи, когда сотрудники „В. К.“ начинали сотрудничать в изданиях, пути и задачи которых не совпадают с путями и задачами В. К. Такое явление нельзя считать нормальным и для казачьего дела полезным.

Для успешного решения казачьего вопроса нужна прежде всего ясность постановки этого вопроса и такая же ясность его решения. Ясность и определенность казачьей программы — первый залог ее успеха. Но для осуществления ясной и определенной казачьей программы — программы В. К. — нужны определившиеся, последовательные в слове и деле, твердые и неуклонные в достижении поставленных задач люди. Всякий знает, что меньшая численно, но объединенная одной идеей, сплоченная и „однородная“ организация может сделать гораздо больше, чем большая, но разномыслящая и разношерстная „группа“...

Короче: нам нужно знать свои силы. Поэтому всякое сотрудничество сотрудников „В. К.“ в иных изданиях без предварительного соглашения о том с редакцией „В. К.“ будет почитаться за выход их из состава сотрудников „В. К.“.

То же самое будет относиться и к тем в. к., которые будут принимать участие в организациях и группировках, цели и задачи которых не совпадают с программой В. К.

дуально-положительными проявлениями, углубила процесс распада".

Он незаметно облил грязью всю атаманину без разбора, атаманы: Анненков, Сатунин, Унгерн, Калмыков, Красильников, и атаманы: Каледин, Дутов, Караулов, Успенский, Назаров, и др. для него, как видно, одинаковы. Но так-ли это? Одни — самозванные, а другие избирались на войсковых Кругах, самые наилучшие казаки, а не „заурядные персоны“ (как это будет видно ниже). А потому, под словом атаманина, надо подразумевать все Казачество, т. е. здесь говорится не только о Сибирской атаманине, но и о Донской, а там вместе с донцами плечо к плечу воевали с большевиками: кубанцы, терцы, астраханцы и уральцы. Значит Казачество как в Сибири так и на Дону „безустали подтачивало власть и углубляло процесс распада“. Если бы не было казаков на этих фронтах, то, конечно, распада бы не было и большевики были бы побеждены. Так, что ли, выходит?

А много бы осталось людей на фронтах? Победители!

Дальше: „Атаманина востока, несмотря на все благожелательные замыслы, в сильнейшей степени дискредитировала идеи белого движения“. А Троцкий в свое время сказал: „Казаки опаснее немцев“. Вот и посудите казаки...

Эх! несчастное Каз-во, сколько было жертв, сколько пролито крови, слез, сколько осталось вдов, сирот! За что? Тяжело говорить..

Все „беды русской эмиграции“ переносятся только через атаманину, т. е. Казачество. Если бы не казаки, они бы здесь не были, а где же они были бы? А мы, казаки, из за кого переносим „беды“ здесь и „там“? Надо правду говорить, не из за русских ли?

Горе наше, станичники! Ну так, на Юге и Востоке казаки „дискредитировали идеи белого движения“ и русская эмиграция страдает из за них!

А вот, спросить бы этого „патриота“: армии Юденича и Миллера очутились в эмиграции, а там казаков не было, — так кто виноват? Уж не казаки ли, что не помогли? Что бы в России не делалось, всюду Казачество было виновато.

Возьмем старину: Атаман Разин хотел сделать в России республику, т. е. по образцу казачьему (народную власть) — казаки виноваты. Разина казнили. Атаман Булавин защищал свою территорию от посягательства на нее, — казаки виноваты. Булавин застрелился, а войско Донское наполовину было уничтожено. Уничтожено — легко сказать! Пугачев назвался императором Петром III — опять казаки виноваты. Пугачев казнен, а Казачество опять было пусканье крови. Донской полковник Грузинов не хотел ни республики (Разина), ни монархии (Пугачева), а казачьей независимости — казаки виноваты. Грузинова казнили. В 1905 году казаки предотвратили революцию — казаки виноваты. Теперь Казачество там за это расплачивается. В 1917 г. на фронте казаки остались дольше, чем солдаты — казаки виноваты. Казак Корнилов шел спасать Петроград от большевиков — казаки виноваты. В том же году Казачество поддерживало Временное Правительство, но за это Атамана Каледина и Казачество заклеймили „бунтовщиками“ и правительство мобилизовало Московский и Казанский военные округа против Донского Казачества — казаки виноваты. Белое движение не выдержало напора красных — опять казаки виноваты! Всюду казаки подводят! На шею они сидят у России! Без них бы все было благополучно. И этот Ермак тоже подвел, завоевал Сибирь, вот и получила эта самая атаманина на Востоке, если бы не было Сибири, то и атаманины не было бы и отступать если и пришлось бы, то только до Уральского хребта, а то на-ка, до самого Владивостока. Вот казаки что наделали!

Запорожскую Сечь разгромили и казаки ушли в Турцию. Ну и пускай бы они там жили, ведь они всегда виноваты, народ беспокойный, вольный. Так нет, опять начали заманивать в Россию. Они были нужны, как отличные воины.

И смешно и обидно до слез.

Читаем дальше: „Пришедший с казаками с юга Атаман Дутов начал карьеру в 1917 году, когда участво-

вал, как представитель Сибирского Казачества на Всероссийском Казачьем Съезде в Петрограде.

Керенский командировал Дутова в Оренбургскую область для подготовки и формирования казачьих отрядов на случай, если большевизм поднимет голову. Именно карьера Дутова показывает, какое безлюдие и запустение царило в атаманской плеяде, если приходилось довольствоваться такими заурядными персонажами. Дутов играл видную роль и с ним вынуждены были считаться руководители и творцы контр-революционного движения, а между тем он ничего не понимал в стратегии, отряды под его руководством терпели поражения“.

Вот, станичники, наши казаки заслуги перед русским народом! Думаешь: свой ли мы народ для них? И невольно отвечаешь: нет, чужой! Да! Я понимаю так, да и те, которые любят Казачество, скажут то же самое.

Дорогой ты наш первый избранник! Чувствуешь ли ты это оскорбление и унижение? Неужели ты живот свой положил только за то, чтобы о тебе так говорили и смеялись над тобой? Ужасная ирония судьбы! „Атаман Дутов начал карьеру в 1917 г.“ Во-первых, Атаман Дутов представителем на Всероссийском Съезде от Сибирского Казачества не был, а был представителем от Оренбуржцев с фронта. Во-вторых, Дутов Керенским не командировался в Оренбургскую область, а он оставался в Совете Союза Казачьих Войск до 26 октября 1917 года, когда он заочно Войсковым Кругом Оренбургского Казачьего Войска был избран Войсковым Атаманом (Донская летопись № 2). Этому „писак“ не нужно было это знать, а он старался как можно больше очернить Дутова и вождей Казачества. „Карьера Дутова показывает, какое безлюдие и запустение царило в Атаманской плеяде, если приходилось довольствоваться такими заурядными персонажами“. Если Дутов, Каледин, Караулов, Рябовол и др. вожды Казачества для них „безлюдие, запустение, заурядные персонажи“ — тогда остальное то Казачество кто же такие? Можно полагать просто — дикири! Какое оскорбление!

Про немцев говорили, что они во время войны писали карикатуры: „Сидит казак на лошади и в зубах держит человеческую руку“. Если это и было, то ведь это делали враги в то время, а здесь кто пишет: свои или чужие?

Это были не „карьеристы“, а действительно выдающиеся люди среди Казачества, которым оно верило. Для Казачества Войсковые Круги, Рада и выборные Войсковые Атаманы представляют высшую власть и Казачество этот порядок будет отстаивать до конца.

Эй, вы — казачья старшина, наши вожди! Вы слышите? Попрыгались, как улитки в скорлупу, и ни звука. Почему молчите? Разве так было? Разве такие мы? Разве такое Казачество? Ведь это Вас больше касается: „Запустение, безлюдие, заурядные персонажи“. Почему не протестуете, или разучились писать?

Беда наша, станичники! Все они спят (за малыми исключениями) летаргическим сном и разбудить то нельзя, а мы хорошо писать не можем, но сердце болит, что Казачество „без вины виновато“. „С ним вынуждены были считаться“. Да и теперь эта мразь ползает перед казаками, чтобы они шли спасать Россию, а если не было бы этой „нужды“, тогда что было бы с казаками и атаманами? Помните казаки, тогда что было бы? — „Не разговаривать“!..

Нет, позвольте, будем говорить, как умеем. Дутов был не „заурядный“ казак. Мы казаки будем им гордиться. Личности А. И. Дутова является святой для каждого казака оренбуржца и для всего Казачества. Вы здесь в эмиграции найдете в каждой квартире казака оренбуржца портрет покойного Дутова, как первого избранника казака-Атамана. Разве это ничего не говорит казачьему сердцу? На Всероссийском Казачьем Съезде в 1917 году в Петрограде Дутов избирался Председателем Съезда, а на нем было около 600 человек от всех Войск, значит он был одним из лучших. Кроме того, он был избран Атаманом на Оренбургском Войсковом Круге, а на этот Круг выбирали от станиц самых лучших людей. Уместно спросить: кто и когда избирал адмирала Колчака, не является ли он подобным барону Ун-

герну и другим только в большем масштабе (как и Деникин на юге). Ведь даже царя Михаила Федоровича и того избирали.

Идем дальше: „Между тем он (Дутов) ничего не принимал в стратегии, отряды под его руководством терпели поражения“. Какая ужасная ложь! Наверное, когда этого „патриота“ выливал грязь на него и Казачество, Дутов в гробу перевернулся, — мертвым не дают покоя!

Пока Дутов был на Оренбургском фронте, все было благополучно, как принял командование русский генерал Белов, так и покатило все в Тургайские степи. Об этом он не пишет. А вот в брошюре И. Еловского „Голодный поход Оренбургской армии“ говорится: „Южная Армия была сформирована из отдельной Оренбургской армии в начале 1918 года. Последняя состояла почти исключительно из казаков Оренбургского войска, восставших против большевиков в середине 1918 года и основанием для нее являлся отряд атамана Дутова, который с 1917 года боролся с большевиками“. Когда все станицы Оренбургского Войска в 17—18 г.г. были заняты большевиками, этот отряд с Атаманом Дутовым уходил в Тургайские степи к киргизам (как на Дону генерал Попов). В этой же брошюре в другом месте писано: „По прибытии в Атбасар (уездный город Сибирского каз. Войска), штаб армии и некоторые части разместились в городе, а остальные в окрестных селах. Остатки южной армии для соединения с Сибирской армией должны были выйти на Петропавловск, но были получены сведения, что Петропавловск уже сдан. Предполагалось было поэтому выйти на Омск. А пока люди должны отдохнуть, частью и сформироваться. Командующий южной армией генерал Белов выехал по вызову в Омск в ставку Верховного Правительства. Из остатков Южной армии была сформирована отдельная Оренбургская армия. Командующим был назначен из ставки Верховного Правительства Войсковой Атаман Оренбургского Войска генерал-лейтенант Дутов“. Вот, что принял наш Атаман Дутов, когда все уже было деморализовано. А русский генерал Белов умыл руки в оренбургской казачьей крови и благородно ретировался в ставку, а Атаману Дутову оставил „рожки да ножи“. И все таки сформировал, повел, и казаки за своим Атаманом шли, если нужно и умирали, а живые надеялись, что казак казака не подведет. Этот русский человек судит по себе, как адмирал Колчак был далек от сибирского крестьянства (Россия, союзники и Колчак. Проф. Гинс), так он думает и о Казачестве.

По понятию „харбинского эмигранта“ это есть „под его руководством терпели поражения“. И все таки Атаман Дутов довел армию до Семиречья, где перешли Китайскую границу в двух местах в одном Чубучагском лагере было Оренбуржцев до 10.000, не считая отряда самого Атамана Дутова.

Дорогие станичники! Судите сами, кто „терпел поражения“, кем и чьей больше пролито крови? Войсковой Круг Оренбургского казачьего Войска тогда постановил: „Мобилизовать всех казаков, способных носить оружие на борьбу с большевиками“. Оставили дряхлых стариков и женщин с детьми и пошли „дискредитировать идею белого движения“ со своим „заурядным Войсковым Атаманом“.

Подобные „патриоты“ в былые время жили в свое удовольствие и не замечали вокруг себя нищеты, а как только революция ударила по ним, так они и давай искать виновников в своих несчастьях и нашли казаков, что они не сделали так, как в 1905 году. Вот теперь мы и стали такими: „Атаманской плеядой, заурядными, запустением, безлюдие“ и пр. Это нам, казакам, благодарности за то, что эти „патриоты“ многие бежали к нам спасаться и спаслись и вот теперь пописывают.

Казаки, мотайте себе на ус! Да и голова у казака не только для шапки, как они думают, а она понимает, где добро и зло, где свои и чужие, где горько и сладко.

Пускай эти „патриоты“ проповедуют всякую чушь и ересь против казаков, но мы знаем, что мы — народ, что мы — Казачество и вольное от всяких причуд „помазаный“, которые довели нас до опричины.

Дружба и уважение должно быть взаимное, а здесь этого не наблюдается. Всякий казак, любящий Казачество, что может говорить против самостоятельности? Там

свой брат не назовет тебя: „Плеядой, запустением, заурядной персоной“ и пр. и если есть недоразумения, то мы все таки свои, а „свой дерись, бранись, а чужой не лезь“, а потому: „Кто Казачество считает враждебным, тот враг и мне“.

И. С. Константинов.

10-1-32. Дальний Восток.

Пора говорить правду.

Милостивый г-рь, г-н Редактор! Настоящим прошу дать мне возможность поделиться моими мыслями с казаками, напечатав в нашем журнале „БК“ нижеследующее мое письмо:

Подождал, однажды, во время работы на заводе, ко мне мой русский коллега по работе и, увидев торчащий из моего кармана последний номер журнала „БК“, попросил посмотреть. Я, конечно, дал. Развернул его этот „бывший полковник“ и говорит: „Да тут и по украински написано“. Отвечаю, что не только по украински, но иногда и по французски пишут. Тут подошли два француза и вмешиваются в разговор. Мой собеседник спешит уверить французов, что казаки это тоже, что и русские, но только коммунисты. Французы, видимо, ему поверили. Им то что, раз человек говорит, так почему же не верить.

Так вот, братцы казаки, как нас часто русские представляют иностранцам. Больно моему сердцу от такой несправедливости со стороны русских. Это, значит, мы, казаки, коммунисты?! А если вспомнить все недалекое прошлое и сказать правду, то получится, что порядок и законность в России мы только и защищали, а русские, снизу до верхов, только тем и занимались, что подрывали и подносили. Не будем далеко углубляться в историю, а возьмем примеры, памятные нам всем, из случаев Германской войны.

Я спрашиваю вас, русские и казаки: Кто первые подняли во время войны бунт и восстание в тылу, в столице? — Русские солдаты. Кто первый их приветствовал, красные банты нацепили на себя и бунтовщиков в герои произвели? — Русские! Сами члены Государственной Думы, сами русские аристократы, даже великие князья. Кто первый кинулся разлагать армию и взбаламутил солдатское море и натравил их на командный состав? — Русское временное правительство, русские министры, русская интеллигенция. А потом, когда разложился фронт, кто, кроме казаков, пытался удержать фронт и сохранить порядок и за это на нас натравили своих обезумевших солдат? — Русские. Кто коммунизм первый принял? — Русские. Кто с коммунистами боролся до полного истощения сил? — Только казаки! Кто в эмиграцию ушел, не мирясь с коммунистической властью? — Только казаки. А из русских вышли всего несколько тысяч аристократов, спасая свой живот, да всякие чемоданники, спекулянты, которые теперь и про родину то свою забыли.

Мы, казаки, всегда защищали право и порядок и боролся против насилия и анархии. Так было и в 1905 году, так было и в революцию, а потом, когда мы увидели, что русский народ принял у себя коммунистическую власть, то мы защищали до последнего свои земли, желая сохранить у себя наши порядки и наши законы и за все это — русский народ нас разграбил, лишил родины, семей, имущества и теперь продолжает уничтожать...

Ведь это только голая правда без всяких прикрас и в результате находятся такие русские люди, которые говорят про нас иностранцам, как о коммунистах. Только бессовестная душа русского человека может повернуть свой лживый язык на такую грешную клевету! И еще хотят, чтобы мы после всего этого их любили и продолжали считать старшим братом. Они будут вечно с нами поступать, как самые злейшие враги, уничтожать нас, по миру пускать, разорять наши семейные очаги, отнимать наше добро, а мы за все это изволь их благодарить, любить и жаловать.

Да что, казаки, неужели у нас нет сердца и крови в жилах?! Надо же нам когданибудь сказать — Геть!!! Довольно нам с ними возиться и устраивать их жизнь. Надо нам и о себе хоть раз подумать. Слава вольным

казакам, поднявшим этот лозунг. Да здравствует Вольное Казачество, свободное и ни от кого независимое! Пора нам, казакам, решиться положить наши головы за свои чисто казачьи интересы, а то за кого только мы не клали, а только не за себя. Пусть мне докажут станичники, что я неверно говорю.

Казак Куб. В. Д. П. Линник.
(Франция. Париж. Янв. 1932 г.).

С нами правда!

Станичники, настал час борьбы за нашу поправную врагами свободу. Молодое и сильное казачество зовет нас в свои ряды. Мы сбрасываем с себя обрывки цепей, надетых на наш народ Россией Петра I-го. Эти цепи были разорваны Казачеством в дни революции; неужели теперь мы не сможем сорвать с себя последние их звенья?

Мы правы, потому что мы не хотим ничего чужого, а отстаиваем свой дом и право на свое добро. Мы правы еще потому, что не хотим господствовать над другими, но желаем быть равными со всеми.

Жизнь нашего народа в недавнем прошлом делает нас непоколебимыми на нашем пути и заставляет нас сопротивляться возвращению той обстановки, которая экономически обессилила наш народ и разорила его.

Наши отцы и матери жили одной лишь заботой: как снарядить своих сыновей на службу „царю и отечеству“. Продавали последнее имущество, чтобы снарядить их „со всем своим“. И несли казаки, кроме службы, свое добро, а в случае войны и жизнь...

Дома оставались женщины и старики, которые изнурялись в тяжелом непосильном для них труде. Их сыновья, молодые хозяева, где то далеко на границах охраняли чужое благополучие. Расширялись границы России, ограничивалась Воля и благополучие казаков...

Всякое стремление казаков к просвещению пресекалось в корне, ибо русское правительство знало, что появление среди Казачества народной интеллигенции значило начало борьбы ее за интересы своего народа и знало, что просвещение явилось бы для казаков оружием борьбы с российской эксплуатацией их родных Краев.

Эта казачья народная интеллигенция защищала бы как права своего народа, так и его достоинство и препятствовала бы бесконтрольному распоряжению России казачьим добром.

Русские это понимали. И потому немногим счастливым удалось получить образование (особенно высшее), а долей большинства были манежи, лагеря и маневры...

Так было, но мы сделаем все, чтобы этого не было. Вот почему мы непоколебимы на нашем пути к свободе Казачества.

Мы зовем всех в свои ряды и знаем, что если наш народ в дни революции разорвал Петровские цепи, то в недалеком будущем спадут их последние звенья, ибо с нами правда...

(Сев. Америка). А. Аникушин.

День поминовения умерших.

В католическом мире существует праздник „Всех Святых“: 1 ноября, а 2-го — день поминовения умерших. Проживши десять лет в Польше, я еще не видел, как католики чтят своих мертвых и решил поэтому пойти посмотреть. Кладбища, католические и православные, находятся за городом, вместе. Погода стояла прекрасная. Когда я вошел в ограду кладбища, увиденное мною произвело на меня сильное впечатление. Публики масса. Каждая могила украшена живыми цветами и

десятки свечей горят на каждой из них, как небесные звездочки в тихую морозную ночь.

Смотрю, идет духовная процессия. Люди часто останавливаются и падают на колени, поют надгробные молитвы, встают и двигаются дальше.

Смотрю стоит женщина на коленях перед могилами своих детей и что то шепчет про себя. Подхожу к военным могилам. Стоит женщина и плачет по своему сыну, который, как я впоследствии узнал, лежит где то, сложивши свою голову на поле брани, и никто не придет на его могилу, не принесет цветов и не поставит свечку.

Поворачиваю к могилам, где лежат братья казаки 2-го Донского казачьего полка, который стоял в Августове. Эти могилы заросли сосной и кустами, так что трудно пробраться меж них. Раздвигаю руками ветви; спотыкнулся о камень. Осматриваю. Видны буквы: Казак 2-й сотни 2-го Дон. каз полка Николай Трофимов, ст. Баклановской, ум. 6-5-1908 г., от товарищей. Пробираюсь дальше. Смотрю, стоит памятник на мраморном пьедестале в форме казачьей острой папахи; выбиты золотые буквы. Читаю: хорунжий 2-го Дон. каз. полка, станицы Кочетовской, Иван Дмитриевич Дудкин, род. 26-8-1861 г., ум. 12-6-1885. Возле него стоит такой же памятник на мраморном пьедестале, на котором выбиты золотые буквы. Читаю: Хорунжий 2-го Дон. каз. полка Александр Алексеевич Леонов, ум. 20 ап. 1883 г. Иду дальше. Смотрю, стоит такой же памятник. Читаю: Сотник 2-го Дон. каз. полка Василий Андреевич Попов, 29 лет, ум. 20 февр. 1891. г. Продолжаю путь. Смотрю, стоит деревянный крест с табличкой. На ней написано: казак Иван Николаев, прибыл в полк в 1906 г., ум. 3-го марта. Год не обозначен. Возле него стоит простой острый камень, где еще видны буквы: Казак Евлампий Шерлов, ст. Баклановской (год не обозначен), от хуторцов.

Просмотрел все надписи, опустил на колени на могиле Шерлова, прочитал про себя молитву и подумал: никто не придет из родных ваших на ваши могилы, чтобы помолиться за упокой душ ваших. А может быть кто из ваших так же плачет на чужих могилах, как плакала та женщина над могилами военных по своему сыне... Сложили вы свои головы на чужой стороне. Вечная вам память, сыны Дона, а наши братья.

Положил земные поклоны и направился к выходу. За оградой увидел какую то насыпь. Подхожу к знакомому старику, спрашиваю: что это за курганы? Старик ответил: это могилы казаков-калмыков 2-го Дон. каз. полка. Их вот тут хоронили около кладбища, а татар пехотного полка хоронили вон там за оградой. Но когда ограду относили, то татары остались в ограде, а казаки-калмыки так и остались здесь.

Я подошел к могилам. Стал считать, оказалось хорошо сохранившихся 37. Тогда подумал: знать не удостоились вы от батюшки царя и ограды, хотя-бы в земле вы лежали спокойно... Не тревожили бы вас животные, что проходят через вас стадами и заравнивают памятники-курганы казачьи...

Кладбище стало пустеть. Смотрю, выходит наш донец с женой. Думаю: по ком же ты плакал... Но он, опустив голову, протерся мимо меня... Я вернулся обратно на могилы казаков.

Зашел на могилу Сергея Кочетова, ст. Краснокутской, хут. Платова, постоял у ней и подумал: не дай Бог, чтобы я лег с тобой рядом вот тут... И сразу стало неприятно и грустно от этих тяжких дум. Я встал и потянулся в свою хижину, а мысленно я еще долго оставался на дорогах мне могилах братьев-казаков...

Польша.

Емельян Кочетов.

Сотрудникам и корреспондентам.

Ввиду того, что были уже случаи, когда письма, адресованные редакции „В. К.“, не были нами получены, настоящим предлагаем всем сотрудникам и корреспондентам в особо важных случаях посылать свои письма заказными.

Казачьи фельетоны.

Вопросы и... ответы.

Почему гибнут повстанцы на Кубани и за что?
 — Издаётся журнал „Вольное Казачество“ в Праге...
 Где Войсковые деньги?
 — Итальянцы увезли на кононерке...
 Кончился ли срок Ваших полномочий?
 — Нас выбирали на своей земле, может прервать-
 ся традиция Войска...
 Какой стране Вы принесли присягу?
 — Родина Россия страдает под большевиками...
 Что гласят Войсковые Законы?
 — Писалось одно, думалось другое.
 Кто такой Войсковой Атаман?
 — Офицер в генеральском чине.
 Помогите казакам-калмыкам на постройку Храма.
 — Когда буддисты помогали православным?
 Национальные цвета Войсковых флагов?
 — Белый, синий, красный...
 Что должен делать председатель Правительства?
 — Исполнять волю Атамана и заведывать Банком...
 А Войсковой писарь?
 — Издавать информационный листок.

Что делает Старшина?
 — Прислушивается к нашему авторитетному голосу.
 Кто самостийники?
 — Полуинтеллигенты, продавшиеся иностранцам,
 большевики...
 Что такое Войсковой Праздник?
 — Поминовение по наследнику Алексею...
 За что нужно бороться?
 — Против Испанской революции и за торжество
 идей О. В. Союза.
 Ждут ли нас в Родных Краях?
 — Нам и здесь хорошо...
 Что делать Казачеству?
 — Ждать у моря погоды...
 Помните ли Вы вашу станицу?
 — Ура, матушка Белокаменная Москва и мы на
 Земском Собрании...
 — И бысть у вольных казаков на сии ответы еди-
 номыслен совет: в куль — да в воду...

Тот, кто спрашивал.

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: из Парижа от членов О-ва ревнителей Казачества: И. Т. Евтухова 50 фр., В. С. Семенкина 20 фр., Д. И. Мохоницкого 20 фр., полк. Жукова 20 фр., Ш. Балинова 20 фр., А. Трофимова 10 фр., И. В. Киктева 10 фр., Ф. П. Ульянова 20 фр., Ф. Онищенко 10 фр., А. Сташка 20 фр., Г. Харламова 10 фр., А. Лысенкова 10 фр., П. Калиты 30 фр., Линника 10 фр., Лебеткина 20 фр., М. Колесова 15 фр., П. Сидорова 10 фр., И. Собекина 10 фр., Огиенка 10 фр., А. Затенка 20 фр., Е. Черткова 20 фр., Яковенка 10 фр., и от сочувствующих в. к. с'езду: Н. Казинцева 10 фр. и Ф. Качана 5 фр. — всего 390 фр. или 507 кч.

От С. Полякова (от группы в. к. из Rombas) 65 кч; от Б. Кундюкова (Белград) 25 кч; от А. Тырина (Швеция) 117 кч; от О. Шевченка (Франция) 13 кч; від Михайла Фесенка (з Канади) 54 кч.

В г. Лионе.

С началом нового года (1932 г.) „Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе приступил к организационной работе...

Первым мероприятием в этом направлении является открытие собственной библиотеки, для заведывания коей избраны ст. ст. Кучеров и Тимошкин (оба — донцы). Библиотека создана и создается исключительно жертвенностью вольных казаков г. Лиона, каковые не без основания рассчитывают, что все казаки, коим дороги и святы идеалы Казачьей Государственности, помогут „Союзу Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе расширить и увеличить свою библиотеку до максимума. Сообразно этому, все казаки, кто имел бы возможность пожертвовать в вольноказачью библиотеку г. Лиона — казачьи журналы, сборники, информации, книги по казачьему вопросу, по казачьей истории, экономике, статистике, этнографии, и т. д., а равно и всякого рода беллетристику и научную литературу, могут пересылать все по адресу А. К. Ленинова (m-r. A. Lenivoff, rue Katherine Favre № 17, Monplaisir-Plaine, Lyon (Rhône), France), за что им (жертвователям) заранее приносится благодарность от имени „Союза Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе. Библиотека имеет три отдела: а) научный, б) политический, с) литературный.

В целях более активной пропаганды Вольноказачьего движения в иностранных кругах, „Союз В. К. (се-

паратистов) в г. Лионе учредил „Издательскую комиссию“, в состав коей были избраны А. К. Ленинов (Д. В.), С. С. Настяшев (Д. В.), Т. К. Хоруженко (К. В.). Определением общего собрания Союза, функции „Издательской комиссии“ сводятся в общих чертах к следующему: а) полнейший контакт в смысле издательской работы — с вольноказачьим центром в г. Праге, б) издание на французском и английском языках — вольноказачьих идеологических сборников, с) выпуск в свет на русском и французском языках неперiodического информационного бюллетеня — вестника „Союза Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе. В виду успешной работы „Издательской комиссии“, можно ожидать в скором времени благоприятных результатов...

Учитывая слагающуюся международную обстановку и считая необходимым иметь в наличии солидный кадр вполне подготовленных в политическом отношении борцов за Вольноказачью Идею — „Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель“, общее собрание открыло при Союзе „Курсы самообразования“, руководство коими поручено А. К. Ленинову, предст. журн. „В. К.“ в г. Лионе. На этих курсах проводятся работы семинаров по политической экономии, статистическому краеведению, этнографии, географии, истории, бытоописанию, археологии, а равно и народного хозяйства Казачьих Краев; сверх того, особое место отведено изучению вольноказачьей самостийной идеологии.

До настоящего времени состоялись лекционные чтения 16 и 23 января о „Петербургском централизме и Атаманах Войска Донского — Даниле и Степане Ефремовых“; 30 января: об „Идеологии Вольного Казачества“, 6 февраля: „Основные Законы Всевеликого Войска Донского“.

Всецело поддерживая почин Южинской вольноказачьей станицы имени Емельяна Пугачева по вопросу о создании фонда по созыву „1-го вольноказачьего с'езда“, „Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе через своего председателя А. В. Пустошкина отправил в адрес вольноказачьего центра в г. Праге, собранные 150 франков. В. К. г. Лиона высказывает полную уверенность в том, что все казаки, кои чувствуют себя еще казаками, в коих „еще не застыла кровь казачья“, всемерно поддержат почин Пугачевцев из г. Южина...

24 января вольные казаки были гостями у Украинских организаций г. Лиона, торжественно праздновавших 14-летнюю годовщину провозглашения независимости Украины. Остается заметить, что с каждым днем

все больше нарастают узы дружбы между Вольными Казаками и Украинцами, будущими союзниками по борьбе за независимость...

Учитывая неоценимые заслуги И. А. Билого, редактора журн. „Вольное Казачество“, перед Казачеством в деле пробуждения казачьего самосознания и национализма, Общее Собрание „Союза В. К. (сепаратистов)“ в г. Лионе (состоявшееся 23 января) постановило преподнести адрес И. А. Билому, а равно и предложить ему принятию на себя почетное председательствование в „Союзе В. К. (сепаратистов)“ в г. Лионе, приурочив все ко дню выхода в свет 100 номера журнала „В. К.“. (Соб кор).

В Париже.

7-го сего февраля состоялось собрание Общества Ревнителей Казачества. На повестке дня стояли следующие вопросы: 1) об установлении твердой дисциплины для членов организации; 2) о сборе средств в „Фонд 1-го Вольноказачьего С'езда“; 3) перевыборы правления.

По вопросу об установлении дисциплины краткий доклад сделал секретарь ОРК — И. А. Скобелин, который между прочим сказал: В 1927 году горсть казаков прародительской отваги, помня заветы старины, воодушевила священный стяг борьбы за казачью свободу и независимость. Поднятое знамя Вольного Казачества привлекло к себе казачью народную массу и под его сенью собирается все молодое, идейное, живое, что есть в казачьей эмиграции. Перед этой яркой идеей все другие лозунги поблекли, все другие казачьи течения замерли.

Первая стадия политического боя инициативной группы вольных казаков, при сочувствии и содействии казачьей массы, закончилась тем, что правые и левые противники казачьего национально-освободительного движения, сбивые с передовых позиций, в беспорядке отступают на путях своего отступления сбрасывают с себя вольчю шкуру и облачаются в ризы „самостийников“, как например, так называемая „Лига“, зазывающая в свои волчьи ряды вольных казаков. Зазывают к себе вольных казаков и противники слева, в лице проф. А. Маркова. Их общая задача — втиснуться в ряды вольных казаков, скомпрометировать, спровоцировать вольноказачье движение, так сказать большевицкий метод „взрыва изнутри“. Так взбаламутив казачье сознание, лоя в мутной воде рыбу, они надеются в будущем захватить бразды правления казачьим национально-освободительным движением и снова его привести на поклонение и подчинение кровавой Москве.

На нас, членов ОРК, живущих в Париже — центре политической жизни и объединяющих здесь вольных казаков, лежит долг — предупредить, предостеречь наших братьев-казаков, в рассеянии сущих, от подобной опасности для ВК, от шупальцев волков в овечьей шкуре. На каждом из нас лежит священная обязанность, во имя высшего казачьего права, во имя счастья родного нам Казачества, отдать всего себя, все свои помыслы, все свои силы той организации, которая борется за это общее наше дело. А для стройности наших рядов, для усиления силы действия нашей работы мы должны из себя представлять единый, крепко сжатый стальной кулак. А для этого должна быть установлена неукоснительно исполняемая всеми твердая организационная дисциплина. Наша дисциплина должна заключаться: 1) в готовности выполнять все директивы нашей организации; 2) в регулярном посещении всеми собраний ОРК, и на них не молчать, а высказывать все свои думы, мысли, учиться говорить и защищать свое казачье право; 3) в регулярном и аккуратном взносе установленного членского взноса и других денежных обложений, устанавливаемых для выполнения нашей политической работы. Каждый из нас должен поставить себе задачу, чтобы в течение года привлечь в свою организацию хотя бы двух новых членов, разделяющих нашу политическую линию и готовых нести все обязанности. Не отказываться от материальной жертвы, как например, сбор в „Фонд С'езда“. Должен узнавать и распознавать наших противников. Везде и

всюду проповедывать идею В. К. Обязанность каждого из нас — писать всюду своим знакомым письма с изложением программы В. К., его роста, посылать всем своим знакомым прочитанные свои журналы. Надо, чтобы каждый экземпляр „ВК“ прочитывался десятками казаками. Само собой разумеется, каждый из нас обязательно должен подписаться на журнал „ВК“, чем мы дадим ему материальные силы, а он нас будет подкреплять и поддерживать духовно. При гармоническом сочетании этой взаимной помощи мы будем идти от победы к победе и придем со славой в свои Родные Края...

После этого доклада наступили оживленные прения по вопросу дисциплины, а затем было принято следующее постановление:

„Собрание ОРК 7 февраля 1932 г., под председательством А. М. Огиенко, выслушав и обсудив доклад секретаря ОРК И. А. Скобелина о необходимости установления, для пользы дела, более твердой дисциплины и, принимая во внимание: а) что ОРК есть организация, помимо всех других общественных целей, преследующая строго политические цели — освобождения, возрождения и создания единого независимого казачьего государства, Казаккии и б) что сегодняшней ее задачей является пропаганда идеи Вольного Казачества, а вольно-казачье движение является казачьим национально-политическим движением, —

п о с т а н о в и л о:

1) ни один член ОРК не может состоять членом другой казачьей общественно-политической организации, цели и деятельность которой противоречат целям и работе В. К. и ОРК, т. е. противоречат идее казачьей государственной независимости, Казаккии; те члены ОРК, которые уже состоят в таких организациях, обязаны выйти из состава таких организаций, или получить для этого специальное разрешение исполнительного органа ОРК;

2) члены ОРК, не подчиняющиеся установленному правилу, выраженному в п. 1 настоящего постановления, исключаются из состава ОРК;

3) Согласно параграфа 6 Устава ОРК, установить обязательный ежемесячный членский взнос в размере 3 фр., начиная с 1-го января с. г. Член ОРК, не внесший членского взноса подряд в течение 2-х месяцев, после предупреждения его об этом правлением ОРК, автоматически исключается из состава ОРК, согласно пар. 7 Устава.

Временно и с ведома правления ОРК освобождаются от внесения членского взноса безработные и больные.

4) Установить для членов ОРК карточку, на обороте которой казначеем отмечается прием членского взноса;

5) произвести перерегистрацию всем членам ОРК путем подачи снова специального письменного заявления с выражением готовности подчиняться всем требованиям Устава и директивам правления;

6) установить общее правило, в силу которого каждый член ОРК может выступать на публичных собраниях других казачьих и русских организаций по любому вопросу, но не от имени ОРК, а от своего имени, если ему не дано было на то полномочий.

Долгие и оживленные прения вызвал второй вопрос повестки, а именно — вопрос о сборе средств в „Фонд Вольноказачьего С'езда“. Собрание единодушно приветствовало идею созыва С'езда; с большим удовлетворением встретило инициативу южнцев, положивших начало „Фонду“; принципиально единогласно решило „установить обязательный для всех членов ОРК ежемесячный взнос впредь до момента созыва С'езда“. Спор шел лишь о размере этого обязательного ежемесячного взноса. В конце концов собрание большинством голосов остановилось на цифре 10.

Первый же сбор тут же выразился в сумме 390 фр., которые и высланы в Пражский центр В. К. правлением ОРК.

Далее собрание, после детального и долгого обсуждения одобрило и приняло текст большого коллективного обращения, приуроченного к выходу 100-го номера „В. К.“, в котором обращении кратко излагает-

сл програма В. К., рост вольноказачьего движения, причины — почему этот рост был неизбежен и заканчивается пламенным призывом ко всем казакам стать под знамя В. К., подписываться на журнал „В. К.“, жертвовать в „Фонд С'езда“.

Это обращение, после присоединения к нему других вольноказачьих организаций во Франции (если таковые пожелают), будет послано в редакцию „В. К.“ для напечатания в сотом номере „В. К.“.

Затем председательствовавший на собрании А. М. Огиенко заявляет, что в силу истечения срока полномочия старого правления, оно слагает с себя свои полномочия и предлагает собранию избрать новое правление.

На время выборов председателем собрания избирается полк. А. Т. Жуков, который, заняв председательское место, предлагает назвать кандидатов в председатели правления ОРК. Названы по порядку: ес. Лысенков А. Л., полк. Жуков А. Т., Огиенко А. М., ес. Трофимов А. Н., Балинов Ш. Н. и ес. Киктев И. В.

Большинство из названных лиц отказываются баллотироваться. Из оставшихся двух кандидатов тайным голосованием председателем избран ес. Лысенков А. Л. (Дон. В.). Результат голосования собранием приветствуется дружными аплодисментами. Лысенков в кратких словах благодарит собрание за доверие и излагает программу будущей работы ОРК, прося всех оказать ему посильную помощь в работе.

По предложению Балинова, собрание решает проинвестировать выборы всех 4-х членов правления одновременно подачей голосов, поименовав в одной и той же записке имена двух помощников председателя, казначея и писаря. Абсолютным большинством голосов на должность помощников избираются: Огиенко А. М. (Куб. В.), ес. Киктев И. В. (Астр. В.). Единогласно избраны: вахм. Чертков Е. И. (Куб. В.) и Скобелин И. А. (Дон. В.), первый — казначеем и второй — секретарем.

Председателем рев. комиссии единогласно избран Ш. Н. Балинов, членами рев. ком. — вахм. Сташко и мл. ур. Затенко (оба Куб. В.) и кандидатом Лебеткин А. И. (Дон. В.).

Дополнительными членами правления (кандидатами) избраны: ес. Колесов М. М. (Дон. В.) и хор. Калита (Куб. В.).

Проговорився.

Як не намагалися росіяне знищити в козаках почуття свого національного „я“ та заступити його любов'ю до міфічної Єдиної Великої Росії, але вже видно, що ця праця була марна, бо бувають такі випадки, коли навіть на сто процентів зросійщені козаки просипаються і в них починає говорити козацьке серце. Свідками такої події були недавно ліонські українці та росіяне й козаки.

17 січня с. р. завітав до Ліону український генерал Капустинський і зробив відчит на тему про національне питання на Сході Європи. Сам докладчик, як гетьманець, не є фанатично ворожий до росіян і тому говорив в лагідній для них формі. Представивши життя українців в історичній перспективі, він спинився на подіях, що відбулися на наших очах. Україна ніколи не стреміла захопити чужі землі. З самого початку революції Центральна Рада стреміла домовитися з росіянами, але на перешкоді став грубий деспотизм російської демократії. За часи гетьманату українці всіма силами допомагали своїм сусідам козакам та росіянам, але за ту гостинність, яку дала Україна росіянам, ті виявили чорну невідчужливість. Армія Української Республіки, що уявляла тоді реальну силу, стреміла порозумітися з Денікіном, але той кинувся на українців і цим розвалив сам себе і скріпив большевиків. Росія мусить визнати самостійну Українську Державу, бо сьогодні на Сході росте японський імперіалізм і на випадок нової російсько-японської війни українці можуть всадити росіянам ножа в спину.

Почали виступати опоненти. Один доводив, що нам, українцям, не треба зовсім відділятися, бо під спільною стріхою жити ліпше, а за те нам росіяне дадуть таку автономію, яку має кожде ательє на заводі. Шедевром

був виступ білявого мілюковця. Представник общеруської демократії обигавшися, очевидно, істориком Пузіцького та Іловайського, що були колись рекомендовані для вищих початкових шкіл, бахнув таке, що в давнину на Україні жили великороси, а сучасна українська мова — це їхня сполонізована. По татарському лихоліттю багато людей тікало на Дон та за Дніпрові порogi. Ховалися там і грабували турків та татар. Це були осноположники козацтва.

Але ось на підвищення виступає стара сива людина. — „Я виступаю не як опонент! Я донской казак. Я прийшов сюди з уверенністю, що український лектор буде оскорбляти моє національне почуття, но, наоборот, я услышал слова патриота своей родины, который желает искренно договориться со своими соседями. Мы, казаки, также любим свой край и умеем рубить шашками. Если вы, украинцы, будете считаться с нами, казаками, как равный с равным, мы пойдем с вами рука об руку против общего врага и я жму руку нашего соседа украинца. В противном случае, простите, но нам всем придется встретиться на Родине врагами“.

Гучне українське „Слава! Слава Донові!“ покрили слова старого козака. Почервонівши від люті росіяне лише очима світили та зубами клацали. Питаю сусіда, хто це такий, цей козак? Мені відповідають, що це полковник Кушнар'ов — отаман донської станиці в Ліоні. Не вірю своїм вухам, бо я чув, що полковник Кушнар'ов бориться з козаками націоналістами. Перелитую ще раз. Чую ту ж саму відповідь. Заговорило козацьке серце. Видко, що мертвий Булавін може говорити устами живих.

Біля виходу бачу полковника Кушнар'ова, оточеного росіянами і чую таку розмову:

— „Что вы сказали? Мы ожидали от Вас иного!“
— „Я сказал то, что хотел. Если Вы хотели иного, то могли выступить и сказать!“

Та Росія, яку уявляють собі багато старих козаків, тобто дійсно демократична спілка народів Сходу Європи не мила самим росіянам. Як Мілюковські демократи так і соціалісти революціонери Гуревича пропонують нам, українцям, федерацію зі спільним централізованим урядом, спільними фінансами та військом. Іншими словами, цей центральний уряд матиме завше великоросійську більшість і провадитиме ту ж саму політику, що й за царя, тобто — з українських податків лише мала частина повертатиме до дому. Спільне військо, або українські полки в Сибіру, а великоросійські на Україні забезпечать їх проти всіляких інших думок.

Ми, українці, і ви, козаки, матимем лише те, що здобудемо мечем. Коли пан полковник Кушнар'ов сказав „і“, то мусить поставити і крапку. Лави вільного козацтва для нього завше відкриті.

м. Ліон. Франція.

Інж. Дмитро Савкевич.

Из жизни казаков в Сливене.

7 февраля с. г. состоялось собрание проживающих в Сливене казаков. Пришло 39 человек казаков разных Войск. По единодушному решению собрания была образована „Сливенская Общеказачья станица“. Правление избрано в следующем составе: Станичный Атаман — А. А. Шапошников (донец), помощник его — К. А. Шамгин (терец), казначей — Г. В. Кладов (донец) и писарь — А. М. Коновалов (донец).

На этом же собрании установлен ежемесячный членский взнос на покрытие канцелярских расходов в размере 5 лев. При правлении станицы образована казачья ссудо-сберегательная касса, для самопомощи в необходимых случаях. Полковник Греков А. И., в качестве почина, сделал тут же взнос в 100 лев. Вкладчики за свои взносы никаких процентов не получают, а получающие ссуду должны возвращать ее с минимальными процентами для покрытия канцелярских расходов.

Собрание состояло исключительно из казаков проникнутых чисто казачьим духом и на этом собрании сговорились всеми силами проводить старые казачьи заветы и обычаи. Намечено устройство казачьего вечера и пр.

Стан. ат. А. Шапошников. [Болгария].

И. Г. КОСТИН.

Первый казак на сцене „Метрополитэн-Опера“ в Нью Йорке.

Подобно тому, как триумфальное шествие по свету казачьей песни, так и всякое индивидуальное достижение того или другого казака за границей может быть смело причисляемо к победам казачества на бескровных полях искусства, науки, культуры и т. д., — к победам на полях всего света. К такой победе мы и причисляем сейчас принятие в балет Нью-Йоркской оперы И. Г. Костина, — первого казака на сцене величайшего театра мира.

Метрополитэн опера является предметом мечтаний каждого артиста, не только благодаря бешеным „американским“ гонорарам, но и потому, что каждый знает, что в наше время только американцы могут позволить себе собирать сливки артистического мира со всего мира. Каждый артист знает, что марка этой, прославившейся грандиозностью своих постановок, оперы открывает двери в любом театре света. Можно себе представить какую конкуренцию здесь придется преодолевать.

На две вакансии, вместе с Костиным, состязалось 44 человека — всех возрастов, школ и народностей. В числе двух, победил казак, — молодостью ли, темпераментом, — не знаем, но только победил после бесконечных испытаний и экзаменов.

Иван Герасимович Костин казак ст. Новониколаевской, офицер, донец. Балетную карьеру начал в эмиграции, окончив первым балетную школу в Брашове (Румыния). Отдавая все свободное время любимому искусству, Костин продолжил за границей и свое образование, окончив Академию в Падебрадах (ЧСР). Свой педагогический опыт преподавания танцев Костин дополнил в Нью-Йорке, куда прибыл в 1930 году и где имел свою балетную студию при чешском „Соколе“. В этом сезоне Костин принят в балет Нью-Йоркской оперы. Пожелаем же ему полного успеха в работе, пожелаем ему гордо носить свое имя и запастись опытом и знаниями и для своего родного театра там, на Дону.

В Пловдиве.

На днях вся Пловдивская колония была сильно взволнована слухами „из достоверного источника“. Лига Наций отпустила для безработных эмигрантов 470.000 лева. Что за оказия?

Пошел и я, как безработный, получить какуюнибудь лепту. Прихожу под Новый Год в казачье собрание, где, по слухам, генерал Лобов выдает пособия. Но, как войти то? Ведь там известны мои самостоятельные взгляды. Еще, чего доброго, обвинят в большевизме? Оправдывайся потом. Ну, думаю, авось не обвинят?

Вхожу. Прямо, напротив дверей в почетном углу, под портретами Алексеева, Богаевского, Деникина, сидит генерал. Человек этакий... представительный. По правую руку — адъютант, а по левую — командирша. Чистокровная. Фамилия-то, правда, подкачала немного... Что-то вроде „лошадиной“? Но это не важно! Важен дух казачий. А наш то генерал сразу казаков узнает. Уж этакий у него „нох“ выработался. Закрывши глаза скажет: кто казак, а кто нет. Только подойди, сразу узнает. Только понюхает, носом поведет и... достаточно! Как бы ты не крутил, а не выкрутишься.

Думал это я, думал, как выйти из положения... А вдруг и „всамделе“ у меня какой-то особьй этакий „самостийный“ дух есть? Что тогда? Будто и духов порядком на себя вылил. Авось не признает...

Перекрестился на икону и подхожу... Что Вам угодно? спрашивает адъютант, „казак“. А генерал и не смотрит. Только носом всюду водит. Оробел я. И слова выговорить не могу. Наконец, справившись с собою, объясняю цель своего посещения. А сам все стараюсь подальше от генерала стать. Авось не учует.

Стою и жду. Адъютант в бумагах каких то роется. Ну, думаю, есть! Взял это адъютант бумагу какую-то и подносит ее мне. Читаю. Каждый, кто считает себя русским душою и телом, знай те насилия, которые творит красный над нашей дорогой родиной Россией. Наш долг жертвовать свои сбережения, чтобы создать фонд для борьбы с большевизмом.

Казачье семейство Т. Ф. КАНАРЕВА (в Кливленде, Сев. Ам.) у своей Рождественской елки.

Почитал я, почитал, да и даю ее обратно. Видите ли, я слышал, что выдают пособия... — А? нет! Это, видите-ли, те деньги, которые будут получены, пойдут частью на погашения собрания (90000), а частью.. Гм! — да-да, видите ли, каждый, кто считает себя русским, должен отказаться от своей части в фонд спасения Родины. Свое личное надо отложить в сторону. А, главное, жертвовать для общей пользы. Близок час нашего возвращения на родину. А для этого необходим фонд...
Постоял я, постоял, да так и ушел, не солоно хлебавши.

Антон Кошкин. (Болгария).

В Шабаце.

(Письмо в редакцию).

Милостивый Государь, господин редактор!

В журнале „В. К.“ от 10. XI. 1932 помещена статья под заглавием: „По стопам Богаевского и Мельникова?“

По поводу этой статьи я хочу или вернее нахожу необходимым внести некоторые пояснения.*)

Я, как казак, живя в Шабаце, вот уже десять лет, всегда внимательно следил и слежу за жизнью казаков в Шабаце и его окрестностях и потому считаю себя в праве сказать по этому вопросу несколько слов.

Со дня прихода в Шабац казаков, в январе 1921 г., председателем Кубанской казачьей колонии был избран войск. старш. К. А. Лепилкин.

Конечно, ему это понравилось и в течении четырех лет он вел упорную борьбу со всеми противниками, не позволявшими ему делать произвольные вычеты из отпускаемых Державной Комиссией казакам пособий.

В 1924 г. было объявлено, что отпуск пособий будет прекращен и что в дальнейшем будут получать таковые только старики и дети. Жаль было г. Лепилкину расставаться с таким лакомым кусочком, — ведь тут были и „мертвые души“, уехавшие в Сов. Россию и т. п.

Но, „мудрый“ председатель и тут не пропустил случая и симулировал кражу денег, отпущенных в пособие колонистам. В один прекрасный момент не стало 64.000 динар („ограбили разбойники казначея“)...

Когда казаки приходили и спрашивали откормленного председателя о деньгах, он отвечал: „Молчите, никому не говорите, мы эти деньги опять получим от Державной комиссии, а если сербы узнают, тогда не дадут“. Казаки поверили, начали ждать и — до сего времени ждут. Нашлось несколько „назойливых“, которые получили, но их было очень мало, потому что г. Лепилкин так запугивал всех „обвинением в большевизме и высылке из страны“, что большинство боялось даже рот открыть. Писали об этом Кубанскому В. Атаману, но на все эти жалобы и вопли от Атамана никакого ответа не получали...

Такое положение вещей не могло оставаться дальше, и потому большинство казаков начало искать выхода из под опеки братьев Лепилкиных. Заговорили об образовании станицы. Было назначено маленькое совещание и решено образовать станицу. Во главе станицы суждено было стать П. Ив. Иконникову, бывшему еще на Кубани станичным атаманом и представителем в Кубанскую Краевую Раду, избранному на Лемносе от Кубанского артиллерийского дивизиона.

Это было началом жесточайшей борьбы.

Опытность Иконникова в организации казаков быстро сказалась: за короткое время в станице оказалось более ста человек казаков.

Первый станичный праздник отпразднован торжественно. Станичный атаман Иконников и тут не пропустил удобного момента и положил начало образованию кассы взаимопомощи...

Почетным председателем кассы избран почетный казак станицы, Его Высокопреосвященство Владыка Шабацкий Михаил, который тут же пожертвовал на образование кассы 1.000 динар.

*) От ред. К сожалению, из за недостатка места, помещаем далее только выдержки из этого весьма длинного письма. Фактическую сторону письма оставляем на ответственности автора.

Господин Иконников не забыл и об умерших казаках, которых уже более 30 человек почитает на местном кладбище. Могилы каждый год оправляются и всегда устраивается станичниками поминовение усопших по установленному обряду на Проводы.

Казаки, видя деятельность г. Иконникова (как станичного атамана) поспешили с заявлениями о вступлении в станицу, которая за короткое время была доведена до 150 человек...

Г. Лепилкин почувствовал, что в лице Иконникова он имеет прямого, открытого и твердого в своих решениях человека и что Иконников может довести дело до конца, а потому начал искать „избавления“...

... Существоет поговорка: как не мудрой, все же правда восторжествует. Г. Лепилкин предан суду и не в далеком времени понесет заслуженное за разграбление имущества умершего полковника Давыдова, что должно послужить хорошим примером и для тех, которые „смешивают“ понятие о собственности. Но, г. Лепилкин, поддерживаемый „свыше“, никак не мог примириться с создавшимся положением вещей и еще с большим стремлением начал „кампанию“, измышляя все, лишь бы только „убрать“ из Шабаца г. Иконникова.

Видя и зная незакономерные действия г. Лепилкина, казаки станицы не дали своего атамана в обиду и не оставили в одиночестве даже и тогда, когда Кубанский Атаман и его начальник штаба начали поддерживать „мелкое политиканство“, лишь бы только г. Иконников не был избран атаманом Шабацкой казачьей станицы на год еще, по счету третий!

На выборах в январе 1931 г. господин Иконников был избран станичным атаманом, получив 44 голоса против 6. Эти выборы В. Атаман отменил и назначил новые выборы на 15 марта под председательством своего помощника ген. Звягинцева. Последний, прибыв в Шабац, ознакомившись предварительно с положением дел станицы и получив от отдельных лиц информации в духе полученных им директив, открыл собрание станичного сбора, на который прибыло более 100 человек казаков. На этом сборе выяснилось немедленно же, что Иконников имеет за собой 87 человек, и против — 14 человек, не состоявших в станице. Видя такое положение, ген. Звягинцев нашел более целесообразным закрыть сбор, не производя выборов станичной администрации и отбыл в Белград. Вслед за этим были назначены в третий раз выборы на 25 апреля, когда были приглашены все казаки, проживающие в окрестностях Шабаца. Накануне же телеграммой выборы отменяются и переносятся на 31 мая. Так легко Атаман властвует, но не легко казакам придти в Шабац за 20—30 километров в грязь и непогоду без копейки в кармане. А когда 31 мая состоялись вновь выборы, оказался опять избран г. Иконников на должность станичного атамана большинством 73 голосов — против 22.

Несмотря на то, что г. Иконников был вновь избран на должность ст. атамана и что к тому времени было получено от В. Атамана, ген. Науменко, частное письмо, адресованное на имя — многоуважаемого — Павла Ивановича Иконникова, в котором категорически заявлялось, что кто будет избран на должность станичного атамана, тот будет и утвержден, а меньшинство он заставит подчиниться большинству. Но не всегда делается так, как говорится. Так и в данном случае. Господин В. Атаман не нашел нужным идти по тому пути, который он сам указал в своем частном письме на имя П. Иконникова, и представленного ему выборного производств не утвердил, а в исполнение должности станичного атамана приказал вступить Ф. М. Рокотянскому...

Видя такое положение, ст. атаман Иконников, не желая и далее входить в конфликт с Войсковым Атаманом и не желая быть причиной раздора и раз'единения казаков, предложил сбору обсудить создавшееся положение, передав председательствование на этом сборе своему помощнику Сиротину. Станичный сбор, обсудив всесторонне создавшееся положение и приняв во внимание, что в связи с предполагаемой постройкой в городе Шабаце казачьего дома, для постройки которого уже имеется обгороженный план, сбор вновь про-

сил Войскового Атамана об утверждении П. Ив. Иконникова в должности станичного атамана, так как для занятия этой должности сбор не находит более подходящего лица. При чем, в приговоре этом подписанном 51 человеком, было указано, что бесконечная процедура выборов казакам надоела и, что они больше не намерены в этом году производить выборы.

В ответ на этот приговор — Войсковой Атаман приказом своим от 5 августа за № 16, назвав казаков, подписавших приговор № 3, бунтовщиками, исключил их и г. Иконникова из учета своего и Кубанского представительства...

Тем же приказом приказано было остальным казакам, проживающим в Шабаце и его окрестностях собраться в субботу 15 августа на общий сбор для решения вопроса об организации казаков в Шабаце. В том же приказе было указано, что на этом сборе будет присутствовать и лично сам Войсковой Атаман. Организация сбора, место и время начала его возложено на полк. Безладного. В присланной мне копии этого приказа ничего не говорилось о в. и. д. станичного атамана Ф. Рокотянском, который, стараясь подавать признаки своего существования, вносил еще большую путаницу и разлад между казаками...

С большим нетерпением ожидали все казаки, проживающие в Шабаце и его окрестностях, приезд В. Атамана, в надежде справедливого решения интересовавшего всех казаков вопроса — выбора станичного правления, приемлемого если не для всех, то хотя для значительного большинства. Между тем, по приезде В. Атамана, с первых же его шагов видно было, что главной целью его было совсем не объединение казаков, а выборы на должности станичного правления лиц ему удобных, не считаясь совершенно с тем, могут ли те лица объединить хотя простое большинство, могут ли они иметь поддержку от казаков и обладают ли они хоть отчасти теми качествами, которые необходимы при возглавлении за рубежом своей родины такой большой организации, как Шабацкая казачья станица.

В виду выяснившейся на этом сборе полной невозможности выбора станичной администрации, В. Атаман указал, что на будущих выборах не должны баллотироваться кроме меня, еще г. г. К. Лепилкин, Монастырский и Рокотянский, а затем, назначив и. об. ст. атамана полк. Гливенко, сбор был закрыт.

Посещение казаков в Шабаце В. Атаман отметил в своем приказе от 16 августа 1931 г. за № 18, которым назначил станичный сбор станицы Шабацкой для избрания станичного атамана и других долж. лиц станицы на 20 сентября.

На выборы 20 сентября явилось всего 53 человека, из которых два человека там же заявили, что в предстоящих выборах они участия не принимают; остальные — почти не состоящие в станице, в том числе несколько человек не казаков, никогда на Кубани и даже в Шабаце не проживавших. Для большей характеристики состава станицы необходимо указать, что писарем был избран именуемый себя сотником поручик А. Т. Горбачев, житель города Костромы.

Обратите внимание на совпадение цифр 53 и 51. На сборе 20 сентября присутствовало 53 человека, приказом № 16 исключено тоже 53 человека. Если же от числа 53 отбросить 2, то получится число присутствовавших на сборе для выбора станичной администрации 51 человек. Точно такое же число было и казаков, подписавших приговор № 3 и исключенных из учета Атамана и Кубанского Представительства...

Правда, таким образом, пришла сама и спрашивает: где же те 200 человек, виновником раз'единения которых был все время г. Иконников? Где же те 200 человек, о которых говорится во всех приказах, разосланных во все уголки земного шара? Почему их не могли собрать и объединить г. г. Рокотянский, Безладный, Гливенко и Колядин? Все это В. Атаману хорошо известно...

Время шло, день празднования Храмового Праздника приближался.

На приглашение новой станицы 8/21 ноября приехал в Шабац В. Атаман. На улицах Шабаца замет-

но появление казаков, собравшихся группами по 10-20 человек. Атаман повидимому уже был предупрежден на станице, что в Шабаце устраивается два праздника: в субботу новая станица, а в воскресенье старая и что на улицах стоят казаки — это все „лишнцы“...

Войсковой Атаман в автомобиле (в закрытом) проехал прямо в гостиницу, где был приготовлен обед на 150 персон. На обеде со всеми приехавшими гостями было всего 25-30 человек, из них 10 стариков в возрасте от 60 до 80 лет, посланных по наряду с предупреждением, что неявка их на обед могла повлечь прекращение получаемых ими пособий.

Казаки на улицах терпеливо ждали окончания обеда... но никого не дождались...

Ночью Атаман уехал из Шабаца, никому не сказав ни слова...

В воскресенье 22/XI казаки, в числе 60 человек, собрались в местную церковь на общую молитву, а затем, по окончании службы, вместе с подошедшими из села казаками, отправились на обед...

Из церкви была принесена станичная икона, перед ней положен хлеб-соль и зажжена свеча. Все это напоминало всем присутствовавшим на празднике казакам, казачкам и малым казачатам, которых, к слову сказать, было (всех) около ста человек, далеку Родину. Казаки в этот день, забыв свои нужды и невзгоды пели, танцевали и веселились просто, красиво и сердечно — чисто по-казачьи...

Итак, казаки, проживающие в Шабаце и его окрестностях отпраздновали свой храмовой праздник два раза — одно празднество во главе с Войсковым Атаманом, но без казаков, а другое без Атамана, своей огромной и сплоченной казачьей семьей.

Осекская казачья станица с жаром начала рубить ветки, не посмотрев, что эти ветки те же сыны родного Кубанского Войска, как и они, подписавшие приговор с порицанием, не дав себе труда осмотреть более внимательно самый ствол этого дерева, который уже совсем сгнил... И не лучше ли было начать рубить это сгнившее дерево, которое, уже отжив свой век, негодно ни для какого употребления...

Я обращаюсь к суду всех здравомыслящих казаков, могу при надобности предоставить для обозрения относящиеся к сему документы и дать необходимые справки, и прошу вынести свой приговор: правильно ли в данном случае поступил Войсковой Атаман?..

Павел Демин.

Письмо в редакцию.

Милостивый Государь, г. Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах уважаемого Вашего журнала нижеследующее:

В № 97 журнала „В. К.“ г. Фролов, отвечая на мою заметку о Войсковом празднике, очевидно погорячившись, не постарался даже узнать ее автора.

Все те данные, которые приводит он в своем ответе, возражая мне, никакого отношения ко мне не имеют.

Г. Фролову не могло не быть неизвестным, что в Ромба не один Поляков, а несколько, и то лицо, которое он упоминает в своем ответе, быть может даже и не знает о существовании этой заметки.

В то время, когда г. Фролов был в Ромба и указанный им Поляков ни разу не посещал ни сборов, ни собраний, но в то-же время, однако, умудрялся как-то, по словам г. Фролова, выбирать в атаманы г. Алексева, в то время я был может только собирався переехать из Чехии во Францию.

За все время пребывания моего в станице, которое длилось только один год, ни один сбор не был мною пропущен. Их было всего три. На первом сборе я, не смотря на то, что в станице не состоял, был выбран ст. писарем, что, однако, как в то время мне заявили на сборе, не могло служить препятствием. На втором сборе протокол велся мною, как писарем сбора, моей рукой написан, мною подписан и находится в данный момент в станичных делах.

И, наконец, на третьем годичном сборе я не мог

не присутствовать уже по одному тому, что был членом правления и на этом сборе мною было подано заявление о выходе из станицы.

Поэтому, не состоя уже фактически членом станицы, присутствуя на сборе только для того, чтобы сдать дела, я никак не мог выбирать в атаманы г. Алексеева, что, однако, имеет смелость утверждать г. Фролов.

Мною был указан факт незаконных выборов в атаманы г. Алексеева, что, однако, опровергает г. Фролов, считая, очевидно, вполне достаточным сказать „это неправда“ и, ограничившись этим поставить точку.

Я возвращаюсь к тому, что уже было мною сказано в первый и последний раз, ибо полагаю, что г. Фролов или совсем не читал моей заметки, а если и читал, то очень невнимательно.

На последних выборах г. Алексеев прошел в атаманы станицы незаконно, не допустив на выборы хутора станицы, основываясь на том, что хутора не подали заявления о принятии их в станицу.

До этого момента, как и было мною указано, списков членов ст. не существовало, выбирать мог кто угодно и доходило даже до таких курьезов, что выбирали лица не только никогда не жившие в казачьих областях, но быть может никогда не видевшие их.

Дабы пресечь это в корне, как я уже и говорил, одним из членов правления был поднят вопрос о реорганизации станицы, о составлении хотя бы списков, что и было наконец сделано, но без участия хуторов, которые не были об этом оповещены.

И в дальнейшем, основываясь на том, что хутора не принимали участия в реорганизации станицы, г. Алексеев на годичном сборе 1931 г. не допустил их на выборы; на что и последовал протест казаков во главе с атаманом хутора Гранд Маювр г. Каменничковым.

Однако, с точки зрения г. Фролова эти выборы вполне законны, и факт протеста ему абсолютно ничего не говорит.

Далее г. Фролов особенно подчеркивает, что баллотировавшись в атаманы ст. г. Алексеев хотел провести его в писаря, а не баллотировавшись, как указал я. Я не спорю, быть может это и так. Ибо в то время не присутствовал и писал то, о чем здесь нередко говорят казаки. Однако, это сути дела не меняет. Факт остается фактом, чего не отрицает и г. Фролов.

Что же касается последнего пункта ответа г. Фролова, в котором он советует мне не „пачкать“ г. Алексеева, должен ему заметить, что слова: „близко стоять к организации и ее членам“, не означают — состоять в ней.

Однако, не покажется ли странным отношение на „ты“ атамана ст. г. Алексеева с большевиком Замулой.

Тип, с первого и до последнего дня своего пребывания в Ромба, а быть может и раньше, состоял членом С. В. на Р., имел советские бумаги и мало этого, перед отъездом в СССР, вел агитацию среди белорусов и нащупывал также почву у казака Суктугинова.

Факт агитации говорит, какие обстоятельства заставили Замулу состоять в союзе и уехать в СССР.

Этого господина атаман станицы устраивал на работу, когда он ее лишился, поднимал вопрос на годичном сборе 1931 г. о принятии его в число членов ст., на что, конечно, как и следовало ожидать, последовал протест казаков в довольно резкой форме.

И наконец, накануне отъезда Замулы в СССР пригласил его выступить на русском вечере в качестве танцера.

И на это, конечно, можно ответить фразой: „Это неправда“ и, ограничившись этим, поставить точку.

Уважающий Вас

15-11-1932.

С. Поляков.

Возможность поселения на землю во Франции.

(Письмо в редакцию).

В № 3 украинского журнала „Робітничі Вісти“, издающегося в Чехословакии, напечатана на эту тему весьма интересная информация проф. В. М. Приводим ее в русском пересказе.

„Во время двух последних своих поездок во Францию я знакомился с условиями ведения там сельского хозяйства. Я знал, что во Франции много ферм, где никто не живет, и много земли, которую никто не обрабатывает. И все же я не ожидал увидеть того, что увидел. Чуть не в каждом селе я находил хорошие дома, стоящие с забитыми окнами. Иногда можно видеть и такие дома, которые стоят уже с вынутыми окнами и дверями. Но и около тех домов, которые сохранились вполне хорошо, земля, видно, не обрабатывается уже несколько лет. Сады и виноградники запущены, позаросли бурьяном, ожиной и др. дикими кустами. Это потому, что селяне уходят в города, где находят заработок на фабриках, ж. д. и т. д. За последние 20—30 лет население во французских селах сильно уменьшилось, особенно же после войны. Очень часто можно встретить селянина, который имеет 2—3 фермы и при том 3—5 км. одна от другой. Он не может их обработать все и потому ищет арендатора, но таких не находится, и фермы стоят пустыми, а земля не обрабатывается.

Это привело к тому, что земля во Франции в настоящее время стоит очень низко и арендная плата стоит дешево. Вот несколько примеров.

1. За 500 фр. в год сдается в аренду 7 га земли в одном куске, из них 2 га сенокоса, 2 га виноградника, полтора га пахотной, остальная под лесом; два пруда. Дома нет, но имеется большой хлев и несколько мелких построек. Ферма также продается за 18 т. франков.

2. За 20 т. фр. продается 5 га: виноградник, сенокос, пахоть; дом о 3 комнатах, коровник на 5 коров. Ж-дор. станция в 4 км. Сразу требуется заплатить лишь 12 тыс., остальные — на выплату.

3. За 15 т. фр. продается 8 га в одном куске. Дом о 2 комн.

4. Сдается в аренду за 6000 фр. 32 га, из них 10 га пастбища, 2 га виноградника, остальная пахотная. Дом в 2 комн. с кухней, разные мелкие постройки, 2 км. от станции жд. и местечка.

5. За 4500 фр. сдается в аренду 22 га земли: 13 га пахотн., остальная — пастбище. Дом в 3 к., молочная, конюшня на 3 лошадей, несколько мелких построек. Станция в 3 км.

Размер арендной платы зависит не так от количества га, как от размера дома и его состояния. Обычно хозяин соглашается отремонтировать дом, но тогда требует большую арендную плату. Далее принимается во внимание, имеется ли на ферме вода, так как есть такие фермы, особенно на юге, где воды совсем нет, и ее приходится носить издалека. На некоторых фермах имеются колодцы, но временами воды в них бывает очень мало, особенно летом. На других бывают большие запоры в землю цементованные цистерны, в которые собирается дождевая вода с крыш. Все это мало обеспечивает ферму водой, и тот, кто думает держать много скота или иметь огород, должен искать ферму с водопроводом и цементным бассейном. За такую ферму приходится платить аренду значительно выше, но все же за 3—4 тысячи в год можно нанять ферму, полностью обеспеченную водой.

Большое значение имеет также отдаленность фермы от города и от ж. д. или шоссе. В горах есть фермы, до которых совсем нельзя проехать возом и все необходимое приходится доставлять на ослах выюком.

Наконец, ферма, которая стоит на ровном месте, ценится дороже той, которая расположена на склоне горы, особенно, если этот склон северный или западный и терпит от ветров. На юге Франции часто дует сильный ветер — мистраль, который причиняет много вреда.

За ферму в 3—4 га хорошей земли, с хорошими постройками и водой, в 10—15 км. от большого города необходимо заплатить 5—6 т. фр. в год. Такую цену

надо признать невысокой, так как, хозяйствуя на такой ферме, семья, которая имеет две рабочие силы, может иметь валового дохода 15—20 т. фр. в год, а на жизнь семьи в 4 чел. при собственном огороде достаточно 7—8 т. фр. в год. Хозяйство можно и развивать понемногу. Имея знания и небольшой капитал, на протяжении нескольких лет можно приобрести опыт, ознакомиться с местными условиями и развернуть хозяйство так, что оно будет давать до 30 т. фр. валового дохода.

Земля и климат Франции пригодны для всевозможных отраслей хозяйства, однако, в одной местности выгоднее проводить одну отрасль, в другой — другую. Есть места, где выгодно сеять пшеницу, овес, в других разводить сады и виноградники, а там, где много сенокоса, заводить скот и т. д. Вблизи больших городов очень хороший заработок дают огороды. Высокая цена на мед делает выгодным пчеловодство. Много эмигрантов живут с куроводства или в большом количестве разводят кроликов.

Климат Франции мягкий, зима короткая, и даже на севере ее большие морозы бывают очень редко, а на юге и совсем их не бывает. На побережье Средиземного моря снег выпадает очень редко и скоро тает, так что там огородину сажают и на зиму. Например, картофель, капусту, шпеназ сажают и весной, и осенью, и в январе. Посаженную осенью картошку выбирают в январе, когда цена на нее доходит до 3 фр. за кило.

Эмигранты до сего времени очень мало обращали внимания на возможность поселения на французских фермах. На мой взгляд это было большою ошибкою. Сотни семей теперь имели бы уже собственные хозяйства и были бы более или менее обеспеченными материально. Еще и теперь не поздно ехать туда. Особенно можно советовать это тем, кто не имеет сейчас заработка и не может найти его в ближайшее время. Необходимо только делать это организованно, а не так, чтобы поселенец оказался во Франции в положении Робинзона. Прежде всего необходимо хотя несколько ознакомиться с франц. языком. Далее вопрос о переезде. Интернациональное беженское бюро (Нансеновское) дает эмигрантам займы на переезд во Францию, а также помогает получить визы тем, кто едет на сельскохозяйственные работы.

Наши эмигранты люди безденежные. Поэтому редко кто из них может взять в аренду ферму сейчас же по приезде во Францию. Такому лучше всего 2—3 года поработать работником. Работник на ферме получает помещение и хорошую пищу и от 100 до 500 фр. в месяц, в зависимости от умелости и опытности, или от 400 до 900 фр. на своих харчах. Квалифицированный работник, напр. хороший садовник, 1200—1500 фр. в месяц. Если жить бережливо, то во Франции можно прожить за 400—500 фр. и делать сбережения.

Интернациональное беженское бюро дает займы также и на обзаведение до 5000 фр. на персону. Заем выдается на 4 года с начетом 5% годовых. Сплачивать необходимо ежегодно, но можно получать и отсрочку. Однако, заем выдается только тому, кто уже заарендовал ферму и начал хозяйствовать. Таким образом, для начала необходимо иметь небольшой капитал. Надо иметь в виду также и то, что заем выдается не сразу, и хлопоты о нем тянутся 4, а то и 5 месяцев. Вообще же, даже и тем, кто имеет собственный капитал, я советовал бы поработать сначала работником, чтобы ознакомиться с местными условиями, подыскать подходящую ферму и составить себе хороший план хозяйства.

Во Франции очень распространена сдача ферм в аренду с половины. Собственник фермы, сдавая ее в аренду, дает также и необходимый инвентарь, а то и рабочий скот, а иногда семена и даже кое-что из харчей. В конце же года арендатор должен отдать ее владельцу

половину урожая. Это удобно в том смысле, что можно начинать хоз. с небольшими средствами, но неудобно в том отношении, что арендатор попадает в зависимое положение: вести хозяйство приходится по указаниям владельца, который часто приходит на ферму, чтобы контролировать арендатора. На этой почве часто возникают недоразумения.

Еще и теперь во Франции есть много свободных ферм, и можно было бы поселить на них сотни семей эмигрантов, но для этого необходимо, чтобы какая-нибудь солидная организация взяла на себя хлопоты перед Нансеновским бюро и французским министерством земледелия.

— Для большей ясности следует поставить вопрос: что значит массовый уход от земли французского фермера? Что тут имеет место, — то ли, что фр. хлебороб стало выгоднее работать на фабрике, в торговле, служить в городе или в колониях, или то, может быть, что сельск. хозяйство во Фр. стало убыточным, не оправдывающим затрачиваемого в нем труда и клонящимся к упадку, к разорению?

Если бы оказалось, что фр. хлебороб бросает землю только потому, что ему выгоднее работать в городе или колониях, а само по себе сельское хоз. во Фр. не убыточно и способно к нормальному развитию, а не к упадку, тогда нам нечего гнаться за синей птицей на край света. Тогда Франция с ее прекрасным умеренно-теплым и мягким климатом, с ее свободным и установившимся правовым государственным строем, где никто ни у кого не отнимает ни имущества, ни жен или дочерей и все отношения между людьми регулирует закон, а не револьвер, представляет для нас такие благоприятные условия, не использовать которые было бы непростительной близорукостью. Казаки во Фр. как те, кто живет в городах и располагает сведениями общего характера, так и те, кто уже устроился и работает на земле и на собственном опыте проверил условия ведения там сельского хоз., исполнили бы свой общественный долг перед казачеством в эмиграции, если бы основательно осветили этот вопрос путем статей, корреспонденций и частных писем, не стесняясь ни размерами, ни формой, ни грамотностью своих сообщений. Важна ведь суть, содержание, конкретное описание фактов, опыт.

Кроме того, тех казаков, которые уже ведут свое хозяйство во Фр., я бы убедительно просил внимательно присматриваться к окружающей их обстановке и имеющимся у них сведениям о земле, подобно примерам проф. В. М., присылать мне (Praha, Strašnice, Krátká, 833) для группировки, обработки и опубликования. Было бы также весьма ценным, если бы эти сведения дополнялись освещением всех тех вопросов, которые пишущий может осветить и которые необходимы для читателя из другой страны, желающего получить наиболее ясное представление об описываемой ферме, например: 1. в каком состоянии на той ферме находятся постройки, виноградники и проч., как обстоит дело с водоем? 2. требует ли почва искусственного удобрения? 3. какую именно отрасль хозяйства выгоднее всего вести на этой ферме, — что должно быть главной отраслью и что подсобными? 4. каковы условия местности для пчеловодства? 5. какова разница условий ведения сельского хозяйства во Фр. по сравнению с нашими? И т. д.

И еще: если условия поселения на землю во Фр. действительно благоприятны, то не время ли французским казакам всерьез подумать о создании той солидной переселенческой организации, о которой пишет проф. В. М. и „которая взяла бы на себя хлопоты перед Нансеновским бюро и французским министерством земледелия“, а может быть и перед министерствами других стран?

Ф. Воропинов.

К казачьим организациям:

Через редакцию „В. К.“ можно приобрести гербы: Казаки или отдельных казачьих Войск, исполненные в красках.

Цена с пересылкой: герба Казаки — 3 ам. долл. или: 100 кч., 75 фр. фр., 150 динар, 300 лева, 400 лей, 25 злотых.

Герб отдельного Войска (Донской, Кубанский, Терский, Калмыцкий, Астраханский, Яицкий, Оренбургский, Сибирский, Семиреченский, Забайкальский, Енисейский, Амурский и Уссурийский) с пересылкой стоит 2 ам. долл. или: 60 кч., 100 динар, 50 фр. фр., 200 лева, 300 лей, 20 злотых.

Открыта подписка на 1932 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч.
за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.